

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Наследие
аристократки*

Даниэла Стил

Наследие аристократки

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Наследие аристократки / Д. Стил — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100613-6

Нью-йоркская банковская ячейка, некогда принадлежавшая итальянской графине ди Сан-Пиньели, полна: пожелтевшие фотографии, написанные уже поблекшими чернилами письма и... настоящая коллекция великолепных старинных драгоценностей. Но неужели графиня умерла, так и не оставив завещания? Кому предназначено такое богатство? И почему наследники так и не объявились? Закон требует пустить драгоценности с аукциона. Однако молодая юрист-практикантка Джейн и эксперт аукциона Филипп понимают: все не так просто. Вместе они начинают поиски таинственного наследника, даже не предполагая, как это повлияет на их собственную судьбу и судьбы близких им людей...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100613-6

© Стил Д., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Даниэла Стил

Наследие аристократки

Danielle Steel

Property of a Noblewoman

© Danielle Steel, 2016

© Перевод. А.С. Мейсигова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Посвящаю моим любимым детям:
Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику,
Саманте, Виктории, Ванессе,
Максу и Заре.*

*Любимыми будьте в юности и старости,
Храбро идите по жизни,
Не лгите близким, прощайте их
И себя тоже.*

*Пусть в вашей жизни будет много счастья и
надежд,
Пусть вам везет во всем.
И всегда помните,
Как сильно я вас люблю.*

Ваша мамочка

Что благословляет одно, благословляет и остальное.
Мэри Бейкер Эдди

Глава 1

В этот январский день казалось, что зима не закончится никогда. С ноября на Нью-Йорк обрушилось уже несколько рекордных снегопадов. Тот, что прошел сегодня утром – а он был вторым с начала недели, – превратился в ледяной дождь с сильным ветром. В такой день лучше всего оставаться дома, думал Хэл Бейкер, сидя в своем офисе в банке «Метрополитен», в самом центре Манхэттена, на Парк-авеню, и поедая поздний завтрак.

Три года назад Нью-Йорк накрыл разрушительный ураган. В паре кварталов от банка дома затопило, было отключено электричество, но банк не закрылся. Они не только обслуживали клиентов, но помогали всем, кто пострадал от урагана. В холле были выставлены подносы с сэндвичами и горячим кофе.

Хэл служил в отделе банковских ячеек. Большинство считает это скучным занятием, но ему нравилось. Он с удовольствием общался с пожилыми людьми, которые приходили, чтобы проверить свои ценности или положить в ячейку новый вариант завещания. Многих из них Бейкер знал в лицо, а некоторых еще и по имени. Клиенты помоложе тоже ему нравились, особенно те, кто впервые приходил оформить банковскую ячейку. Хэл подробно им объяснял, почему так важно хранить ценные вещи в банке. В общем, к своим обязанностям он относился серьезно, а работу считал важной и ответственной. Клиенты доверяли им свои самые дорогие вещи, а порой – и самые мрачные тайны.

Хэлу исполнилось шестьдесят, до пенсии оставалось пять лет, и честолюбивые мечты его не мучили. Бейкер был женат, вырастил двоих детей и занимался делом, которое подходило его легкому, общительному характеру.

Сегодня из-за непогоды клиентов было немного, и Хэл наконец смог заняться бумагами, которые скопились у него на столе с рождественских праздников. Кроме того, ему предстояло решить вопрос с тремя банковскими ячейками, владельцы которых перестали платить за их обслуживание. Обычно это означало, что клиенты забрали все ценности и ячейка им больше не нужна. Через год неоплаты Хэл ждал еще месяц, потом посылал письмо, и если на него не отвечали, звал мастера и взламывал пустующий сейф. Только после этого он мог передать его другому клиенту. Небольшие ячейки для хранения шли нарасхват, люди за ними стояли в очереди, и Хэла сердило, что приходилось ждать целых тринадцать месяцев, чтобы предложить их новым клиентам. Но это была стандартная процедура для всех банков Нью-Йорка, и Хэл ничего не мог с этим поделать. Волокиты можно было избежать, если бы владельцы оповестили его, что ячейка им не нужна, и вернули ключи. Но некоторые люди не забивали себе голову такими тонкостями. Они забывали о ячейке или не утруждали себя телефонным звонком в банк.

Хэл хорошо помнил владелицу одной из ячеек – гордую пожилую леди, которая хоть и вела себя вежливо, никогда с ним не общалась. Три года назад он послал ей стандартное письмо, извещающее о неуплате, подождал ответа один месяц, а затем вскрыл ячейку в присутствии поверенного. Как ни странно, в ней оказались вещи. Хэл аккуратно извлек их оттуда и составил опись. В сейфе были две папки, подписанные рукой владелицы. В одной лежали фотографии, в другой – бумаги и документы, в том числе просроченные американский и итальянский паспорта, а также две толстые связки писем. Одни, написанные по-итальянски старомодным почерком, были аккуратно перевязаны линиялой голубой лентой. Другие же, с розовой лентой, были на английском языке, и, судя по почерку, их писала женщина. Также в ячейке хранились украшения в кожаных футлярах. Хэл к ним особо не приглядывался, но, даже на его дилетантский взгляд, они выглядели очень дорого.

Потом он поискал, нет ли в ячейке завещания, на случай если ее владелица окажется мертва, но его не оказалось. Дама арендовала ячейку двадцать два года, и Хэл понятия не

имел, что с ней случилось. После вскрытия ячейки он ждал, как того требует закон, ровно два года, не объявится ли клиентка, после чего должен был уведомить суд Нью-Йорка по делам о наследстве о невостребованной ячейке, сообщить, что завещания там нет, и передать ее содержимое этому учреждению.

Так как клиентке банка исполнился девяносто один год, вполне вероятно, что ее уже не было в живых. Суду следовало установить это, а потом уже распоряжаться вещами Маргериты Уоллес Пирсон ди Сан Пиньели – так звали пожилую даму. Все эти два года Хэла тревожила мысль, что украшения, хранящиеся в ячейке, очень ценные. Если окажется, что их владелица умерла и у нее нет ни завещания, ни наследников, украшения будут проданы на аукционе, а город получит в казну круглую сумму.

Хэл позвонил в суд в одиннадцать утра. Трубку взяла Джейн Уиллоуби. Она училась на последнем курсе юридического факультета и проходила в суде трехмесячную практику. В июне ее ждали выпускные экзамены. После окончания университета Джейн хотела работать в суде по семейным делам, но на практику туда ее не взяли. Тогда Джейн попробовала устроиться в уголовный суд, но опять потерпела неудачу. Место ей нашлось только в суде по делам наследства. Джейн предчувствовала, какая унылая работа ее ждет: куча бумажной волокиты и клиенты – сплошь мертвецы, но другого выхода не было. К тому же Джейн прониклась неприязнью к своей начальнице, Харриет Файн, – вечно уставшей, помятой женщине, которая явно ненавидела свою работу, но терпела ее из-за денег и все никак не решалась уволиться. Кислый вид Харриет и постоянное нытье раздражали Джейн, но она хотела получить хорошее резюме, а потому стойчески держалась, дожидаясь окончания практики.

Джейн записала все, что Хэл Бейкер сообщил ей о банковской ячейке миссис ди Сан Пиньели, и сразу поняла – сначала ей нужно выяснить, жива ли эта дама. Если она умерла, тогда нужно вызвать оценщика и вместе с ним поехать в банк, чтобы осмотреть драгоценности, а затем искать наследников через газеты. Интересно, откликнется кто-нибудь на объявление и что это будет за человек? Недавно в суде слушалось дело о наследстве, за которым никто не явился. В результате все ценные вещи продали с аукциона, немало обогатив казну города. Харриет радовалась так, будто деньги должны были пойти ей, а не государству. Джейн больше нравилось, когда вещи умершего переходили его дальним родственникам – на ее взгляд, это было правильней. Неожиданное наследство от человека, которого они едва помнили, а порой вообще не знали о его существовании, было для них приятным сюрпризом.

– Когда вы сможете подъехать в банк? – вежливо спросил Хэл.

Джейн посмотрела на календарь, прекрасно понимая, что не сможет сама принять решение – ей нужно доложить Харриет. А та, скорей всего, передаст дело кому-нибудь другому, ведь Джейн тут временно. Хэл деликатно упомянул, что некоторые украшения могут быть очень дорогими, и их должен оценить ювелир.

– Пока я не могу вам ответить, – призналась Джейн. – Я выясню, жива ли миссис ди Сан Пиньели, а потом передам информацию начальнице. Кого посылать к вам и когда, решит она.

Хэл выслушал ее и бросил взгляд в окно. Снег пошел сильнее, покрывая наледь на дорогах тонким ковром. С каждой минутой выходить на улицу становилось все опасней.

– Понятно, – просто ответил он.

Хэл знал, что суд завален делами по наследству. Но он выполнил свой долг. Теперь пусть действуют они.

– Мы сообщим, когда приедем, – уверила его Джейн.

Попрощавшись, мисс Уиллоуби повесила трубку и принялась наблюдать за ненастьем, разыгрывающимся за окном. Она ненавидела такие дни и не могла дождаться, когда вернется к учебе. Каникулы тоже оказались испорчены. Ей не удалось уехать на Рождество к родителям в Мичиган. Она и ее парень Джон, с которым они жили вместе уже три года, провели праздники в четырех стенах квартиры, зарывшись в учебники. Джон получал степень маги-

стра на экономическом факультете Колумбийского университета, который тоже заканчивал в июне. Из-за стресса перед экзаменами у них в последнее время стали портиться отношения. К тому же оба начали искать работу. Джон был из Лос-Анджелеса, они познакомились, когда приехали учиться в Нью-Йорк. Жилищем им служила съемная меблированная квартира в Верхнем Вест-Сайде¹ – маленькая и некрасивая, да еще с тараканами, которых они все никак не могли вывести, зато недалеко от Колумбийского университета. Джейн надеялась, что когда они закончат учебу и устроятся на работу, то смогут себе позволить жилье получше. Ее родители хотели, чтобы она вернулась домой и поселилась рядом с ними, но у нее были другие планы. Джейн хотела остаться в Нью-Йорке и работать юристом. Ее отец был начальником в страховой компании, а мать – психологом, хотя после рождения дочери ушла с работы. Родители очень скучали по ней, ведь она была их единственным ребенком. Джейн не хотела их разочаровывать, но она мечтала сделать карьеру в Нью-Йорке и не раз говорила им об этом.

Мисс Уиллоуби вздохнула и вернулась к работе. Пока неизвестно, кому Харриет поручит дело Пиньели, но одно было ясно: начальница разозлится, если она не проверит, жива ли владелица банковской ячейки. Джейн быстро ввела ее имя и дату рождения в компьютер и почти сразу получила ответ. Маргерита Уоллес Пирсон ди Сан Пиньели умерла полгода назад, а последним местом ее проживания был указан Куинс². Адрес отличался от того, что стоял в документах Хэла – согласно его данным, женщина жила на Манхэттене, недалеко от банка. Джейн подумала, что, учитывая возраст дамы, та могла просто забыть о своих драгоценностях. Или она была так больна, что не смогла забрать их. Как бы то ни было, миссис ди Сан Пиньели мертва, и кто-то из суда должен поехать в банк и тщательно проверить содержимое ячейки. Вдруг среди бумаг окажется завещание?

Джейн тщательно заполнила документ по делу и пошла к Харриет. Приближалось время обеда, и начальница уже облачилась в пуховик, вязаную шапку, шарф и тяжелые ботинки. В перерыв она часто ходила домой, провести свою пожилую маму. Харриет неприветливо уставилась на Джейн, и та подумала, что мисс Файн выглядит так, будто собралась на Северный полюс. Все знали, что Харриет строго относится к подчиненным и студентам-практикантам, но с Джейн она вела себя совсем уж сурово. Впрочем, это было легко объяснить завистью. Харриет видела перед собой красивую девушку с длинными светлыми волосами и отличной фигурой, которая выросла в богатой семье, и это сразу чувствовалось, хоть мисс Уиллоуби всегда вела себя скромно. Ей было дано многое из того, о чем Харриет могла только мечтать. В свои двадцать девять лет Джейн только начинала жить, и впереди ее наверняка ждала интересная карьера.

А Харриет уже исполнилось пятьдесят. У нее давным-давно не было мужчин, она не смогла завести семью и родить ребенка и жила с больной, требующей ухода матерью. Ее карьера и личные отношения зашли в тупик.

– Положи на стол, – отрезала мисс Файн, глянув на бумагу в руках Джейн.

– Кто-то должен поехать в банк, – объяснила Джейн как можно спокойнее, чтобы лишний раз не раздражать начальницу. – Фигурантка дела умерла полгода назад. Согласно закону, ее банковскую ячейку держали три года, и теперь банк хочет передать нам ее имущество.

– Я займусь этим после обеда, – сказала Харриет и торопливо вышла из кабинета.

Джейн вернулась к себе и заказала сэндвич из ближайшего кафе, чтобы съесть его прямо на рабочем месте. Лучше так, чем куда-то идти в такую ужасную погоду. В ожидании доставки Джейн решила заняться кое-какими бумагами.

¹ Верхний Вест-Сайд – элитный квартал в западной части Манхэттена.

² Куинс – большой район Нью-Йорка на острове Лонг-Айленд.

Это было скучное занятие, но Джейн всегда работала тщательно и редко допускала ошибки. Перед тем как поступить в университет, она уже подрабатывала в одной юридической конторе. Харриет втайне восхищалась ее трудолюбием и вниманием к деталям. Она считала мисс Уиллоуби лучшей практиканткой, которая работала у них в суде, но молчала об этом и никогда вслух не хвалила Джейн.

Харриет вернулась на работу встревоженной и сказала, что матери сегодня хуже, чем обычно. Впрочем, через час начальница позвала Джейн к себе в кабинет.

– Я просмотрела дело Пиньели и хочу поручить его тебе. Все равно остальные заняты. Так что поезжай в банк. – И она вернула Джейн документ по делу.

За всю практику мисс Уиллоуби только раз видела, как производят инвентаризацию, и процесс показался ей простым. Джейн нужно только подтвердить опись, сделанную банком, и забрать вещи из ячейки, чтобы переложить их в банк суда.

Джейн в тот же день перезвонила Хэлу Бейкеру. Он никак не ожидал, что все случится так быстро, и извиняющимся голосом попросил об отсрочке. Хэл уходил в отпуск на две недели, а после – еще на неделю, на курсы повышения квалификации. В итоге они договорились встретиться через месяц, на следующий день после праздника святого Валентина. Задержка была на руку Джейн – она могла без спешки подать объявления в газеты. Мисс Уиллоуби записала время в ежедневник и повесила трубку, а потом нашла стандартную форму о поиске наследников. Так началась ее работа по делу Маргериты ди Сан Пиньели. Для суда по наследству оно было обычным. Ей следовало найти родственников дамы, а если никто не объявится – то продать вещи, которые после смерти владелицы оказались никому не нужны.

Глава 2

Спустя месяц

Джейн вышла из метро и направилась в сторону банка «Метрополитен». Утро выдалось тяжелым – впрочем, как и весь вчерашний День святого Валентина. Она поссорилась с Джоном, пока в спешке делала тосты, насыпала хлопья для себя и варила кофе для них обоих. В итоге хлеб подгорел, потому что Джейн забыла проверить настройки тостера, а хлопья она рассыпала в тот момент, когда Джон с сонным видом появился на кухне в футболке и трусах. Накануне его не было дома – он готовился к экзаменам у кого-то из друзей. Она слышала, как Джон вернулся в три часа ночи, но заснула раньше, чем он лег в кровать. И он не поздравил ее с Днем всех влюбленных, хотя Джейн купила ему коробку конфет. Джон взял конфеты с собой, чтобы поделиться угощением с друзьями, но ей ничего не подарил – ни цветов, ни открытки. Похоже, в этом году для него такого праздника не существовало.

– Ты куда торопишься? – спросил Джон, наливая кофе.

Джейн меж тем подмела хлопья и намазала подгоревший тост маслом. Джон выглядел уставшим и злым и сегодня тоже ни словом не обмолвился о Дне всех влюбленных. Джон вообще плохо помнил даты и праздники, а сейчас, когда ему надо было сдавать две важные курсовые, мог думать только об учебе. Раньше Джон был веселым, компанейским парнем, постоянно с ней разговаривал и шутил, но в последние месяцы его поглотила подготовка к экзаменам. Иногда Джейн казалось, что он вообще ее не замечает.

– Сегодня мне нужно сделать опись вещей, которые нашли в невостребованной банковской ячейке, – объяснила Джейн. Ей было приятно думать об этом. Идти в новое место гораздо интересней, чем сидеть за столом, погребенным под кучей бумаг.

– Серьезное дело? – Ее слова не произвели на Джона никакого впечатления.

– Скорей нет, но я хоть выйду из офиса и немного поиграю в детектива. Мы поместили объявления в газеты, чтобы найти наследников, но за месяц никто не откликнулся.

– А что случится, если они так и не объявятся?

– Если за ячейку не платят три года и один месяц, мы продаем все, что в ней есть ценного, а деньги передаем государству. Бумаги храним в архиве суда еще семь лет.

– В ячейке есть что-нибудь ценное?

– Там хранились украшения. Работник из банка сказал, что, может быть, они дорого стоят. Сегодня я это проверю. Печальная история, но интересная. Сложно представить, как люди могут забыть о своих вещах, но эта женщина была очень старой. Может, она внезапно умерла или потеряла память к концу жизни... Кстати, как насчет сходить куда-нибудь поужинать? – спросила она, стараясь говорить как можно беззаботнее. Ей не хотелось давить на Джона.

Но как только Джейн произнесла эти слова, он застонал.

– О, черт. Сегодня День Валентина, да? Или был вчера? – На столе лежала газета, и он посмотрел на дату. – Кстати, спасибо за конфеты. И прости меня, Джейн. Я правда забыл. Мне надо сдать две курсовые, и с ужином пока ничего не выйдет. Ты не против, если мы отложим его на пару недель? – Он выглядел действительно виноватым.

– Конечно, – непринужденным тоном ответила Джейн. Другого она и не ждала – Джон в последнее время помешался на учебе. Впрочем, Джейн его понимала, потому что сама переживала из-за предстоящих экзаменов. Правда, оценки у нее всегда были лучше, чем у Джона. – Я так и думала. Но решила спросить на всякий случай.

Джон поцеловал ее, а когда заметил, что на ней красный свитер, улыбнулся. Джейн серьезно относилась ко всем праздникам, и он порой подшучивал над ней из-за этой черты характера. Она казалась ему милой, но слишком уж сентиментальной. Джон считал, что

всему виной провинциальное происхождение Джейн: его отец и мать работали в киноиндустрии в Лос-Анджелесе, и потому он считал их более продвинутыми, чем родителей своей подруги.

На Джейн была черная юбка и сапоги на каблуках. Длинные светлые волосы собраны в хвост – все-таки ей предстояло ехать в банк. Выглядела она прекрасно. Джону нравилось смотреть на нее, нравилось проводить с ней время, но только не сейчас, когда надо сдавать две курсовые да еще работать над дипломом. Они не строили планы на будущее и просто жили вместе, что устраивало обоих. И Джон и Джейн сейчас больше думали о карьере, чем о браке. Они хотели сначала твердо встать на ноги, и оба знали о желаниях друг друга.

– Меня не будет всю ночь. Мы с группой опять собираемся вместе, чтобы писать курсовые, – сказал он, когда Джейн надела пальто.

В честь праздника оно тоже было красного цвета, и хотя Джону этот жест показался немного глупым, он отметил, что такой наряд ей очень идет. Высокие каблуки подчеркивали стройность ног Джейн, которые он считал одним из главных ее достоинств.

– Мы будем у Кары, – небрежно заметил Джон, просматривая газету. Он знал, что Джейн ее не любила. Кара скорее походила на модель для показа нижнего белья, чем на студентку, которая вот-вот получит степень MBA³. Джон твердил, что она очень умная, и восхищался ее деловой хваткой. У Кары был свой бизнес, который она выгодно продала, после чего решила доучиться в университете. Кара была старше Джейн на два года, ей уже исполнилось тридцать один, и считалась самой красивой девушкой в группе. Она выглядела очень сексуально в обтягивающих джинсах и футболках с глубоким вырезом и все время выставляла напоказ пышную грудь. Конечно, Джейн беспокоило, что Джон учится с такой красоткой, и хотя он был ей верен, все равно воспринимала Кару как угрозу.

– А другие парни там тоже будут? – чуть нервно спросила она, и Джон тут же обиделся.

– Конечно. Хотя какая разница? Это не группа по секс-терапии. Мы работаем над курсовыми, а в малом бизнесе Кара понимает гораздо больше нас всех. – Он всегда приводил этот довод, когда встречался с Карой по учебе.

– Я просто спросила, – мягко сказала Джейн.

– Ясно, но давить на меня не надо. Если она поможет мне выправить оценки, я буду только рад этому.

Никто не хотел сцен ревности, но слово за слово – и через пять минут они уже ругались из-за Кары. Такое бывало и раньше. Джейн всегда говорила, что Кара с ним флиртует, а Джон это яростно отвергал, после чего она обвиняла его в наивности. Как и раньше, спор закончился ничем. Джон с раздраженным видом ушел в душ, а Джейн уехала на работу, чувствуя себя совсем разбитой.

В последнее время они слишком часто ругались по всяким мелочам. Раньше таких проблем в их отношениях не было, но Джейн верила, что это из-за выпускных экзаменов и скоро все станет, как раньше. Она старалась терпеть перемены в настроении Джона, его вечную усталость и недосып и не переживать из-за Кары.

Джейн твердила себе, что ей надо доверять любимому, хоть он и проводил кучу времени с этой девушкой, причем порой оставался с ней наедине. Она чувствовала, что Кара положила глаз на Джона, и потому боялась ее. Нервы у нее тоже были на пределе, но Джейн не хотелось давить на своего парня.

Как всегда после бессмысленного спора, в котором нет победивших, на душе мисс Уиллоуби было тяжело. И зря она надела красный свитер и пальто – это выглядело глупо, ведь праздник всех влюбленных был вчера. Сегодня ее ждал обычный рабочий день, и лучше бы она оделась скромнее.

³ MBA – магистр делового администрирования, степень магистра в менеджменте.

Хэл Бейкер уже ждал ее. Он никак не ожидал увидеть молодую красивую девушку с изящной фигурой и блеском в глазах. Обычно из суда по наследству приезжали пожилые дамы с кислыми лицами. С дружеской улыбкой Хэл пожал Джейн руку и повел ее вниз, в помещение с банковскими ячейками.

В присутствии свидетеля Бейкер вытащил из ячейки металлический ящик и перенес его в другую комнату, такую маленькую, что трое человек едва в ней разместились. Хэл передал Джейн опись содержимого ячейки, сделанную им два года назад, и, только после того как она ознакомилась со списком, открыл ящик. Джейн заглянула внутрь. Там были папки, письма и кожаные футляры для украшений.

Начать решили с папок. Открыв одну из них, Джейн сразу заинтересовалась фотографиями, с которых на нее смотрела красивая женщина с сияющей улыбкой и ясным, пронизательным взглядом. Судя по тому, что она присутствовала на большинстве снимков, это была сама миссис ди Сан Пиньели. На одной из фотографий она стояла рядом с элегантным, подтянутым мужчиной гораздо старше ее. На обратной стороне стояли дата и имя – Умберто, написанные изящным почерком. Снимки были сделаны в разных местах и по разным случаям. Джейн узнала виды Венеции, Рима, Парижа, горнолыжного курорта Кортина-д'Ампеццо в Альпах. На одном снимке Маргерита и Умберто сидели на лошадях, на другом – в гоночной машине, в шлемах и защитных очках. И везде пожилой мужчина заботливо обнимал эту красивую молодую женщину, а она выглядела счастливой рядом с ним.

Также в папке лежали пожелтевшие вырезки статей из римских и неаполитанских газет с фотографиями каких-то приемов, где их называли графом и графиней ди Сан Пиньели. Маргерита выглядела изумительно в вечерних платьях, с дорогими украшениями. Среди вырезок Джейн нашла некролог графа, опубликованный в неаполитанской газете в 1965 году, в котором было написано, что он умер в возрасте семидесяти девяти лет. Маргерите был сорок один год, когда его не стало, и Джейн не составило труда подсчитать, что Умберто был старше жены на тридцать восемь лет.

Судя по фотографиям, супруги ди Сан Пиньели вели роскошную жизнь. Джейн поразились, как элегантно и стильно они выглядели на всех снимках, как прекрасно смотрелись вместе. Рядом с пожилым мужем Маргерита просто светила от счастья. Было видно, что они по-настоящему любили друг друга. Но на тех снимках, где она была одна, в ее глазах таилась грусть, как будто в прошлом с ней случилось какое-то несчастье.

На дне папки Джейн обнаружила фотографии маленькой девочки, перевязанные выцветшей розовой лентой. Никаких надписей не было, и лишь на некоторых снимках стояли даты, написанные другим, не таким утонченным почерком. Девочка выглядела очень мило. Ее глаза искрились смехом и озорством. Она чем-то напоминала графиню, но не настолько, чтобы можно было с уверенностью сказать, что они родственницы. Интересно, где сейчас эта девочка? Судя по датам на фотографиях, сейчас ей должно быть немало лет. Джейн держала в руках свидетельства далекого прошлого, и из всех людей на снимках до наших дней могла дожить только она.

Просматривая вещи из ячейки, мисс Уиллоуби вдруг загрустила. Женщина, которой они были дороги, умерла в полном одиночестве, и ей даже некому было завещать те ценности, которыми она владела.

Джейн аккуратно закрыла папку, и Хэл подал ей другую, с документами. В ней лежали просроченные паспорта, из которых стало ясно, что Маргерита родилась в Нью-Йорке в 1924 году. Судя по штампам, уехала из Штатов в 1942-м и прибыла на корабле в Лиссабон. Португалия во время войны была нейтральной территорией, но Маргерита на следующий же день уехала в Англию. Там она тоже надолго не задержалась и уже через шесть недель отправилась в Рим, по специальной визе. Джейн подумала, что граф, скорее всего, заплатил

кучу денег или привлек высокопоставленных друзей, чтобы перевезти невесту в Италию. В Штаты Маргерита вернулась лишь через семь лет, в 1949 году, и только на несколько недель.

Итальянский паспорт ей выдали в декабре 1942 года и уже на имя ди Сан Пиньели. Следовательно, она вышла замуж через три месяца после того, как оказалась в Европе, и сразу же получила гражданство Италии.

Еще раз Маргерита приезжала в США в 1960 году, по американскому паспорту, который продлили в посольстве итальянской столицы. На родине она задержалась всего на несколько дней. Больше поездок в Америку не было – до 1994 года, когда Маргерита навсегда переехала в Нью-Йорк. Ей тогда исполнилось семьдесят один год. Ее американский паспорт продлевался в римском посольстве, но для путешествий по Европе Маргерита пользовалась итальянским паспортом. У нее было двойное гражданство. Американское она сохранила, наверное, из сентиментальных чувств, потому что большую часть жизни – пятьдесят два года – прожила в Италии.

Также в папке Джейн нашла банковские документы, в том числе об аренде банковской ячейки, номер карточки социального страхования графини и чек на четыреста тысяч долларов, которые она получила за продажу двух колец. Но ни в одной из папок Джейн не нашла завещания Маргериты и вообще никаких сведений о ее родственниках. Кроме папок, в ящике лежали две толстые связки писем. Чернила на бумаге поблекли от времени, как и ленты голубого и розового цветов, которыми они были перевязаны. В одной связке находились письма на итальянском языке, написанные элегантным мужским почерком на плотной желтой бумаге коричневыми чернилами. Джейн решила, что они принадлежат супругу Маргериты. Письма из другой связки были на английском, и почерк явно указывал на женскую руку. Не развязывая ленты, Джейн просмотрела несколько из них. Все начинались со слов: «Мой дорогой ангел», после чего шли откровенные признания в любви, а на месте подписи стояла заглавная «М». Среди писем завещания тоже не было.

Наконец настала очередь футляров, в которых обычно хранят украшения. Джейн открывала их один за другим, изумленно глядя на содержимое.

В первом лежало кольцо с большим изумрудом прямоугольной формы. Джейн не могла сказать на глаз, сколько в нем каратов, но камень был внушительным. На внутренней стороне крышки, обтянутой красной кожей, была надпись «Картье» золотистого цвета. Мисс Уиллоуби очень захотелось примерить кольцо, но все-таки она находилась на работе, к тому же не одна. Поэтому Джейн занесла украшение в опись и отложила в сторону.

В следующем футляре оказалось еще одно необыкновенное кольцо, тоже от «Картье», но на этот раз с большим овальным рубином, украшенным россыпью бриллиантов. Открыв третий футляр, Джейн непроизвольно ахнула. Ее взору предстало кольцо с огромным бриллиантом прямоугольной огранки, более привычной для изумрудов. Украшение выглядело настолько шикарно, что Джейн в замешательстве перевела взгляд на Хэла.

– Я не знала, что бриллианты бывают такие огромные, – объяснила она свою реакцию, и Хэл улыбнулся.

– Я тоже. – Он замешкался, а потом улыбнулся шире и добавил: – Если хотите, примерьте его. Я никому не скажу.

Чувствуя себя непослушным ребенком, Джейн надела кольцо. Камень закрывал почти всю фалангу и выглядел потрясающе. Он настолько заворожил ее своим блеском, что Джейн с трудом заставила себя снять украшение.

– Вот это да! – искренне воскликнула она, и все трое рассмеялись, отчего напряженная атмосфера в комнате несколько разрядилась.

Странное это было дело и немного мрачное – изучать вещи умершего человека. Удивительно, что у женщины, владевшей такими сокровищами, не было близких людей, которым она смогла бы их завещать. Маргерита не носила украшения, но не продала их, а поместила

на хранение в банковскую ячейку. Джейн не хотелось думать о том, что теперь эти красивые вещи выставят на аукцион, а вырученные от продажи деньги перейдут государству. Было бы лучше, если бы украшения перешли человеку, который ценил бы их и память о Маргерите. В противном случае эта печальная история получала еще более печальный конец.

Джейн открывала одну коробочку за другой и находила все более прекрасные украшения: брошь с изумрудом и бриллиантами, созданная итальянскими ювелирами; сапфировое ожерелье с серьгами от фирмы «Ван Клиф энд Арпелс»; необыкновенный, ажурный, как кружево, браслет с бриллиантами; чокер⁴ из жемчуга и бриллиантов от «Картье», а также длинная нить жемчуга кремового цвета. В последнем футляре ее ждало кольцо от «Картье» с круглым бриллиантом желтого оттенка. Камень сиял, как солнце, среди остальных драгоценностей.

Мисс Уиллоуби смотрела на них, и у нее кружилась голова. Хэл предупреждал, что украшения могут оказаться очень дорогими, но такого богатства она не ожидала. Джейн только однажды видела что-то подобное, когда в шестнадцать лет ездила с родителями в Лондон и посетила Тауэр, где были выставлены драгоценности королевской семьи. Но некоторые из украшений Маргериты поразили ее даже больше. Графиня ди Сан Пиньели владела выдающейся коллекцией бриллиантов, и, глядя на содержимое кожаных футляров, Джейн не сомневалась, что перед ней – уникальные ювелирные украшения, которые стоят целое состояние.

Среди этого блеска и великолепия находились и простенькое золотое колечко-печатка, которое Маргерита могла носить совсем юной девушкой, золотая цепочка с медальоном в форме сердца, в котором хранилась фотография младенца, и еще одно кольцо, похожее на обручальное. Эти украшения были не такими дорогими, как остальные, но Джейн чувствовала, что для Маргериты они имели особую ценность.

Несомненно, что графиня в прошлом вела роскошную жизнь. Даже если бы она не хранила в ячейке драгоценности, достаточно было взглянуть на фотографии, снятые в самых фешенебельных местах Европы. На всех снимках Маргерита была прекрасно и со вкусом одета – вечерние туалеты, меха, элегантные шляпки.

Джейн захотелось узнать о ней больше, но как это сделать? Пока она с уверенностью могла сказать, что Маргерита родилась в Америке, уехала в Италию, когда ей исполнилось восемнадцать, через пару месяцев вышла замуж за пожилого мужчину, который умер через двадцать три года. Много лет спустя Маргерита вернулась в Америку и уже никуда не уезжала до самой смерти в девяносто один год. Обрывки сведений, которые Джейн нашла в газетах, документах и фотографиях, были словно фрагменты одного пазла, но собрать его не представлялось возможным. Слишком много вопросов, ответы на которые Маргерита унесла с собой в могилу.

Джейн по идее должна была отвезти драгоценности в суд. Но ехать с такими дорогими вещами на метро ей совсем не хотелось.

– Давайте их сфотографируем, – предложила она Хэлу. – Я боюсь везти их через весь город, а по снимкам моя начальница поймет, с чем мы имеем дело. Сухие слова описи не передадут всего богатства коллекции.

Хэл кивнул. Джейн достала сотовый и сфотографировала украшения с разных ракурсов. После этого Бейкер закрыл футляры, убрал их в ящик и отнес в ячейку. Джейн подумала, что надо позвонить в аукционный дом – пусть тамошние специалисты займутся перевозкой.

Интересно, какой выберет Харриет? «Кристис» и «Сотбис» были у всех на слуху, но, может быть, суд по делам наследства работает с другими компаниями, о которых она не

⁴ Чокер – короткое ожерелье, которое плотно прилегает к шее, имеет регулятор длины.

знает. Джейн впервые имела дело с такими драгоценностями, и добродушный Хэл, видимо, тоже.

Они вдвоем вышли из комнаты. Джейн со свидетелем подтвердили, что Хэл убрал ящик в банковскую ячейку и надежно запер ее двумя ключами.

– Я позвоню вам сразу, как в суде мне скажут, что делать дальше, – сказала мисс Уиллоуби и мечтательно добавила: – Украшения были просто необыкновенными.

Содержимое ячейки поразило не только Джейн. Ни Бейкер, ни свидетель тоже никогда раньше не видели так близко столько великолепных украшений. Но что с ними делать дальше, могла сказать только мисс Файн. Джейн попрощалась и отправилась на работу.

Здание суда, построенное в 1907 году, было прекрасным образцом неоклассической архитектуры и охранялось государством. В таком красивом месте хотелось работать, но все портила мрачная обстановка внутри. Джейн нашла начальницу в кабинете – она изучала документы и была так занята, что мисс Уиллоуби растерянно застыла на месте, опасаясь ее побеспокоить. Впрочем, Харриет оторвалась от бумаг и, увидев ее, с ледяной улыбкой сказала:

– Хорошее пальто. Ты ко мне по делу?

– Я только что вернулась из банка. Делала опись ячейки миссис ди Сан Пиньели.

– Я забыла, что ты поедешь туда сегодня, – рассеянно заметила Харриет. Видимо, это дело казалось ей самым заурядным. – Как все прошло?

– Вроде хорошо, – ответила Джейн, хотя ее снедала тревога, все ли формальности она выполнила. – Миссис ди Сан Пиньели хранила очень красивые вещи, – добавила она, вспоминая блеск украшений.

– Завещания не было?

– Нет, только фотографии и письма, а также газетные вырезки, старые паспорта и банковские документы.

– Украшения можно продать? – деловым, будничным тоном спросила Харриет.

– Да. – Джейн достала телефон и молча показала начальнице снимки драгоценностей Маргериты.

Просмотрев их, Харриет минуту молчала, а потом уставилась на подчиненную, не скрывая удивления.

– И ты сегодня видела все эти украшения? – недоверчиво спросила мисс Файн, и Джейн кивнула. – Нужно немедленно звонить в «Кристис», чтобы они оценили их и выставили на аукцион. – Харриет написала на клочке бумаге телефон и отдала его Джейн.

Та с опаской уставилась на номер и спросила:

– Вы хотите, чтобы это сделала я?

Харриет нетерпеливо кивнула:

– Да, потому что у меня совсем нет времени. У нас постоянные сокращения, работников все меньше и меньше. Просто позвони туда и попроси, чтобы они прислали в банк специалиста по ювелирным украшениям. Вы встретитесь и вместе все посмотрите. Нам нужна оценка, если кто-нибудь из наследников объявится. И для аукциона тоже.

Перед тем как уйти, Джейн отчиталась, что в ячейке не было ни денег, ни акций, а на банковском счету миссис ди Сан Пиньели осталось две тысячи долларов. Она много лет ничего не снимала. Плата за дом престарелых в Куинсе, где она проживала последнее время, поступала автоматически, об этом миссис ди Сан Пиньели распорядилась заранее.

Адрес «Кристис» Джейн нашла в компьютере. Оказалось, аукционный дом располагался в одном из фешенебельных зданий Рокфеллер-центра⁵. Хотя время было почти обеденное, она набрала номер и спросила ювелирный отдел. Ее переключили, и гудки шли так

⁵ Крупный деловой центр Нью-Йорка.

долго, что мисс Уиллоуби уже решила повесить трубку, когда ответил женский голос. Джейн сказала, что ей нужно поговорить с кем-нибудь об оценке ювелирных украшений для аукциона, и ее опять переключили. Она вновь долго слушала – только не гудки, а музыку – и думала, что, наверное, этот человек ушел на обед. Вдруг мужской голос недовольно произнес:

– Лоутон слушает.

Джейн объяснила, что работает в суде по наследству и что им нужен специалист, который бы оценил украшения, найденные в банковской ячейке. Если они не найдут наследников, то можно будет продать их на аукционе.

После этого возникла пауза.

Филипп Лоутон молчал, глядя в окно. В ювелирном отделе «Кристис» он работал уже два года и чувствовал себя как в тюрьме. У него была ученая степень по музейному делу, специализация – искусство Древнего Египта и импрессионизм, и он мечтал устроиться Метрополитен-музей, но ничего не получалось. В итоге Филипп сдался и нашел место в «Кристис», в отделе искусства, где проработал три года и где ему очень нравилось. Но потом в ювелирном отделе освободились сразу три вакансии – глава уехал в лондонский офис, а двое его подчиненных уволились. Лоутона перевели на новое место, хотя украшения его совершенно не интересовали. Ему пообещали, что при первой же возможности вернут в отдел искусств, но пока этого не случилось.

А ведь вся жизнь Лоутона с детства была связана с искусством. Его отец, который умер несколько лет назад, преподавал историю искусств в Нью-Йоркском университете, занимал должность профессора. Мама же была художницей. После окончания колледжа Филипп проходил практику в галерее Уффици, во Флоренции. Он думал переехать в Рим или Париж, но в итоге решил получить высшее образование в Штатах. Какое-то время Филипп работал в одной солидной галерее Нью-Йорка, а когда ему исполнилось двадцать девять, перешел в «Кристис». Тут он трудился уже пять лет, два последних года – в ювелирном отделе. Недавно Филипп пообещал себе, что если его не переведут обратно в течение полугода, то он уволится.

Лоутон не любил украшения в принципе. Людей, которые их покупали, считал тщеславными снобами, и видел красоту лишь в искусстве. Картины, скульптура, музыка трогали его душу и наполняли радостью, а украшения – никогда.

Просьба девушки из суда по наследству не вызвала у него никаких чувств, кроме скуки. Оценка содержимого ячейки была обычной рутиной, и потому Филипп нехотя сказал в трубку:

– Вы можете привезти украшения к нам? – Тон его голоса был лишен всякого интереса. Он много раз делал оценку содержимого банковских ячеек и по опыту знал – там редко попадаются вещи дорогие настолько, чтобы их можно было продать через «Кристис». Не было никаких причин думать, что нынешний случай чем-то отличается от предыдущих.

– Я бы хотела, чтобы вы сами приехали в банк, – честно ответила Джейн. Своим тоном Лоутон явно давал ей понять, что она попусту тратит его время, и ее это злило. Она обратилась к нему не с просьбой о помощи, а потому, что того требовал закон. Это была ее работа. – Там двадцать два предмета, и мне кажется, они слишком ценные, чтобы возить их по городу.

– В каком банке они хранятся? – спросил Филипп, продолжая смотреть в окно на небоскребы через дорогу. Кабинет казался ему тюрьмой, а работа – пожизненным заключением, которое никогда не кончится. Он ненавидел приходить сюда каждое утро.

– В банке «Метрополитен». Вы могли бы подъехать туда, чтобы сделать оценку?

Да, мог бы, хотя очень не хотел этого делать. Но оценка украшений была частью его работы. В основном к Лоутону обращались наследники, которые хотели избавиться от старомодных вещей, и жадные дамочки, желавшие получить деньги за то, что перепало им

после развода. Среди его клиентов также были торговцы ювелирными украшениями, которые часто предпочитали сбывать предметы через аукционы. Так получалось быстрее, что было на руку продавцам, и дешевле, чем через магазины, что нравилось покупателям.

– Нам нужна оценка, – объясняла Джейн, стараясь говорить как можно вежливее, – ведь если не объявятся наследники, то мы должны выставить вещи на аукцион.

– Я знаю, как это работает, – резко ответил он.

Джейн уже начала жалеть, что дозвонила до него. С Лоутоном сложно было общаться, потому что его явно не интересовало это дело. Она улыбнулась, представляя, как удивится ее собеседник, когда увидит содержимое ячейки.

– Так что, вы приедете? – Джейн согласилась бы привезти драгоценности, но только при одном условии, что ей выделят вооруженного охранника. Конечно, суд на такие расходы не пойдет, а Джейн не хотела брать на себя ответственность. Значит, этот Лоутон должен приехать в банк, или она позвонит в «Сотбис», такой же уважаемый аукционный дом, хотя Харриет почему-то предпочла ему «Кристис».

– Да, приеду, – ответил Филипп мрачным тоном. – Как насчет следующего вторника? В десять утра? Но в двенадцать мне надо быть на месте, у нас начинаются торги. – Его обучили проводить аукционы и время от времени ставили на те, где не было особенного ажиотажа. Лоутон не сомневался, что этого времени ему хватит с лихвой. Вещи в банковских ячейках всегда оказывались сущей ерундой, и он не сомневался, что и на этот раз будет так же.

Они договорились о встрече на следующей неделе, и Джейн, вежливо поблагодарив его, повесила трубку. И вдруг ее осенило, и Джейн тут же перезвонила ему.

– Простите, что снова беспокою вас, – сказала она, когда мужчина ответил ей все тем же недовольным тоном. – Я сфотографировала несколько украшений. Может, вы захотите посмотреть на них перед нашей встречей? – Джейн решила, что так он сразу поймет, о каких украшениях идет речь, и наверняка заинтересуется.

– Отличная идея. – Филипп даже повеселел. По фотографиям он моментально определит, имеют ли украшения какую-то ценность для «Кристис», и если нет – в чем Лоутон почти не сомневался, – то направит ее в другой, менее известный аукционный дом и сэкономит свое время. – Вышлите их мне. – Он продиктовал электронный адрес.

Джейн отправила фотографии сразу после разговора и занялась другим делом, которое поручила ей Харриет. Оно было совсем не таким интересным, как дело Маргериты. Потому, когда через десять минут зазвонил телефон и она услышала Филиппа Лоутона, Джейн обрадовалась. Его голос совершенно изменился, и он с нескрываемым любопытством забросал ее вопросами:

– Скажите, как звали эту женщину? Она была знаменитостью?

– Не думаю. Ее звали графиня Маргерита ди Сан Пиньели. Судя по паспорту, она родилась в Америке, а в восемнадцать лет, во время войны, переехала в Италию. Маргерита вышла замуж за итальянского графа и жила там до девяностых годов. Судя по украшениям в ячейке, он был очень богат. Но, насколько нам известно, в конце жизни у Маргериты, кроме драгоценностей, осталось только две тысячи долларов на счету. Она умерла в девяносто один год.

– Если украшения в ячейке – не подделка, то могу сказать, что это выдающаяся коллекция. – Они его вправду поразили, и Филипп не скрывал этого. За два года работы в отделе такое случалось с ним только однажды, когда на торгах в Гонконге он увидел восточные украшения. В них было очарование, которое Филипп не находил в изделиях западных ювелиров, они выглядели необычно и требовали особой оценки настоящего эксперта, каковым Филипп себя не считал. Но драгоценности Маргериты удивили даже такого скептика, как он.

– Они лежали в оригинальных футлярах, – сказала Джейн. – Я не сомневаюсь, что украшения – настоящие.

– Очень хочется скорей их увидеть, – не скрывая восторга, проговорил Лоутон. Он решил взять с собой в банк хороший фотоаппарат, чтобы сделать снимки лучшего качества, чем те, которые получились на телефоне. – Увидимся во вторник, – попрощался он дружеским тоном, и Джейн с улыбкой повесила трубку.

Потом она долго сидела за столом и думала о прекрасной молодой женщине, которая, как в сказке, уехала в Италию и вышла там замуж за графа, и о всех тайнах жизни, которые унесла с собой в могилу.

Когда Джейн вернулась домой, Джона уже не было. Он предупредил ее, что будет заниматься всю ночь вместе с друзьями из университета, так и случилось. Она представила его вместе с Карой, и ей стало не по себе. Так было всегда, когда Джон с ней встречался. Но Джейн ничего не могла изменить, значит, оставалось только смириться. Ей хотелось рассказать ему о драгоценностях из ячейки и о разговоре с Филиппом Лоутоном. Но придется подождать, когда у Джона появится время и его ничто не будет отвлекать. Джейн приняла душ и пошла спать. Но мысли о Маргерите ди Сан Пиньели ее не отпускали. Она вспоминала фотографии графа и его жены, драгоценности, которые он ей дарил. Джейн не знала подробностей их жизни, но чувствовала, что тут скрывается история большой любви. Она не могла не думать о том, откуда родом Маргерита, как попала в Европу и какую прекрасную жизнь, должно быть, прожила вместе с итальянским графом в ту эпоху блеска и гламура. А еще она вспоминала печальные глаза Маргериты, которыми та смотрела с некоторых снимков. И Джейн спрашивала себя, была ли эта красивая женщина счастлива по-настоящему.

Глава 3

На следующее утро Джейн ушла на работу, так и не увидев Джона. Но это ее не особо расстроило. Она ожидала увидеть его вечером и надеялась, что они все выходные проведут вместе – будут болтать, отдыхать и делать все, что не успели в будни. Ей не хватало их прежних легких отношений, но Джейн надеялась, что после экзаменов все станет как прежде. Последние несколько месяцев были особенно тяжелыми, но она старалась терпеть и не накалять обстановку своими жалобами.

Приехав на работу, Джейн решила, что ей следует заняться поисками наследников Маргериты. Теперь, когда обнаружили такие дорогие украшения, она была обязана сделать все возможное для этого. Джейн переписала последний адрес, по которому жила графиня, и поехала туда в надежде, что кто-нибудь расскажет ей что-то новое о Маргерите. Может, у нее все-таки были дети, или ее навещали какие-нибудь родственники, которые не знают о наследстве.

Дом престарелых был маленьким и уютным, но все равно вызывал уныние. Джейн поговорила с медсестрой на стойке регистрации, и та подтвердила, что ежемесячная плата за уход миссис ди Сан Пиньели автоматически списывалась с ее банковского счета. Никто не знал, что у нее оставалось очень мало денег, и скоро ей уже нечем было бы платить за проживание. Джейн проводили в отдел по работе с пациентами. Из записей журнала посещений выяснилось, что за три года, что Маргерита провела в доме престарелых, к ней никто не приходил. Координатор отдела объяснила, что ничего удивительного тут нет. Ко многим их пациентам никто не приходит, особенно если они уже очень пожилые и без детей.

– Маргерита была очень милой, доброй женщиной, – сказала она. – В медицинской карте записан диагноз, с которым она поступила, – старческое слабоумие. Вы хотите поговорить с ее медсестрой?

– Да, конечно, – ответила Джейн.

Несколько минут спустя в кабинет вошла женщина средних лет в белой медицинской форме, судя по внешности – филиппинка. Она улыбнулась Джейн, и координатор представила ее как Алму, медсестру, которая ухаживала за Маргеритой в последние два года. Алма также сказала, что ее пациентка была очень хорошей женщиной.

– Перед смертью она много говорила о муже, – продолжила медсестра с мягкой улыбкой, – и повторяла, что хочет скорее его увидеть. А еще твердила, что у нее есть украшения, которые она хочет мне подарить. Кольцо или браслет – я точно не помню. Многие пациенты с деменцией обещают нам деньги или подарки, которые они вовсе не обязаны преподносить. Так они пытаются нас отблагодарить. – В голосе медсестры не было ни тени удивления или разочарования. А Джейн попробовала представить, что бы случилось, если бы Маргерита и правда подарила ей кольцо с огромным рубином или одну из брошей. Было сложно предположить, как бы медсестра отреагировала на такую благодарность.

Потом Алма сказала, что в те редкие дни, когда к ней возвращалась память, Маргерита хотела забрать какие-то вещи из банка, а также написать завещание. В последний раз ей предложили вызвать нотариуса в дом престарелых, потому что сил куда-то ехать у нее не было. Но уже на следующий день Маргерита забыла об этом и вскоре скончалась, так и не составив завещания. Медсестра объяснила, что ее пациентка умерла от сильной пневмонии, осложнения после гриппа. К тому времени она почти не вставала с постели и ничего не соображала, что совсем не удивительно в ее возрасте. Маргерите ведь было уже девяносто один год.

Джейн задумалась: кому бы графиня оставила украшения, если бы все-таки написала завещание? Медсестре из дома престарелых? Дальнему родственнику, которого она не

видела много лет? Сейчас это уже не узнать. Алма сказала, что, кроме мужа, ее пациентка больше никого не вспоминала.

Сиделки и медсестры работали тут добросовестно, но само место было мрачным. Джейн смотрела на стариков в инвалидных креслах, молча смотрящих в никуда, и думала, что такой конец жизни – самый печальный. Оставалось надеяться, что Маргерита не очень страдала тут одна, без участия близких и любимых людей. У нее ведь было слабоумие, а значит, она до конца не понимала, что с ней происходит.

После посещения дома престарелых судьба Маргериты показалась Джейн еще трагичнее.

В печальном настроении она спустилась в метро, чтобы вернуться на работу, но неожиданно решила съездить по предыдущему адресу Маргериты, который значился в банковских документах. Мисс Уиллоуби могла и не утруждать себя, но ее очень тронула история женщины, которую она видела только на старых фотографиях. Джейн мало что знала о ней, но и это было очень волнительно.

Управляющий дома хорошо помнил Маргериту и сказал, что все работники и соседи ее любили. Он назвал миссис ди Сан Пиньели милой старушкой и сообщил, что Маргерита поселилась у них в 1994 году. Она заняла маленькую квартиру с одной спальней и прожила в ней почти двадцать лет, а три с половиной года назад уехала в дом престарелых. На вопрос, были ли у нее дети или какая-то семья, приходил ли кто-нибудь ее навещать, управляющий ответил, что за все двадцать лет он не видел ни одного гостя, и детей у нее точно не было.

– Она говорила, что детей ей заменяют питомцы. У миссис ди Сан Пиньели всегда водились маленькие пудели. Ее последняя собака умерла за год или два до того, как она съехала, и миссис ди Сан Пиньели сказала, что слишком стара, чтобы завести другого пуделя. Она очень по нему скучала, – с чувством добавил мужчина, вспоминая те дни, когда Маргерита жила в доме.

В общем, и здесь Джейн получила те же ответы: у графини не было ни друзей, ни родственников, ни детей. К ней никто не ходил, она держалась в стороне от людей и вела тихую незаметную жизнь – особенно в сравнении с бурным, увлекательным прошлым.

Мисс Уиллоуби поблагодарила управляющего и поехала домой – в свою убогую квартиру. Она с нетерпением ждала, когда же закончит университет и найдет приличную работу, чтобы переехать в место получше.

Оказавшись дома, Джейн сняла пальто, села на продавленную софу из кожзама и вытянула ноги. Неделя выдалась сложной. Поиски наследников Маргериты пока не увенчались успехом. На объявления никто не ответил. Все указывало на то, что за драгоценностями не придут и их придется продать с аукциона. Это казалось Джейн ужасной несправедливостью, но изменить что-либо было не в ее силах. Наверняка тот мужчина из «Кристис» безумно обрадуется, когда увидит украшения.

Через час пришел Джон, и настроение у него было явно лучше, чем в предыдущие дни. Он объявил, что закончил одну из курсовых, и все благодаря Каре, которая нашла ему всю необходимую статистику и провела предварительные исследования.

– Эта девушка – подарок судьбы, – с облегчением сказал Джон. Конечно, Джейн было неприятно слышать это, и так происходило всегда, стоило Джону завести речь о Каре. Но Джейн промолчала, хотя нервы у нее были на пределе. – Как прошел твой день? – спросил он.

– Я была очень занята – искала наследников той женщины, о которой я тебе говорила. Выяснила, что у нее никого нет, и очень расстроилась. Жалко, когда человек умирает вот так, в полном одиночестве.

– Ей же было девяносто лет, так что не расстраивайся. Ты эту старушку не знала, и проблема сейчас только в том, куда бы деть наследство.

Джейн видела, что ее сочувствие к Маргерите казалось Джону глупостью.

– Наследство перейдет государству, – печально сообщила она. – На следующей неделе я встречаюсь с экспертом из «Кристис», который должен оценить украшения. – Тут Джейн вспомнила, что не видела Джона с тех пор, как проводила опись ячейки, и добавила: – Мы нашли необыкновенные украшения – кольца с огромными бриллиантами, рубинами, изумрудами, браслеты, броши, жемчуга и даже диадему. – Когда Джейн вспомнила их красоту, ее глаза загорелись.

– Она была королевских кровей, что ли? – спросил Джон, доставая пиво из холодильника.

– Нет, эта женщина родилась в Америке, в восемнадцать лет вышла замуж за итальянского графа, и, судя по фотографиям, жизнь у них была роскошная. Но в итоге она оказалась в доме престарелых Куинса и была совсем одинока. Ей даже некому было завещать украшения.

Джейн эта история казалась такой странной, нелогичной, но Джона совсем не впечатлила. Неудивительно, что он повел себя так равнодушно – в последнее время его интересовали только собственные проблемы.

– Может, сходим в выходные в кино или кафе? – с надеждой спросила Джейн.

Джон печально покачал головой:

– Я не закончил вторую курсовую. Боюсь, до самого мая со свободным временем у меня будет туго. Отвлекаться мне никак нельзя.

– И работать ты будешь с Карой. Я угадала? – Джейн пыталась говорить спокойно, но у нее ничего не вышло. Она совсем не видела Джона, а тот все дни проводил с другой девушкой, пусть и по уважительной причине. Конечно, это было тяжело.

– Перестань. Ты ничего не изменишь и только разозлишь меня. – Джон посмотрел на нее так, что Джейн сразу поняла: спорить с ним опасно. Последние месяцы стали настоящим испытанием для их отношений, и пока Джон справлялся с ним на тройку. Впрочем, и она в его глазах, наверное, тоже. Ее ревность к Каре наверняка казалась ему глупой.

– Ладно, извини, – со вздохом проговорила Джейн. – Мне в эти выходные тоже надо почитать кое-что для учебы. – Она старалась говорить легко, пытаясь смириться с мыслью, что еще одни выходные проведет без Джона. Что ж, можно пойти в кафе с подругой и поработать над своей курсовой. Наверное, он прав, и ее беспокойство насчет Кары только все портит.

В субботу днем они немного побыли вместе, и хоть особо не разговаривали, это все равно было приятно. Вечером Джон отправился в спортзал на тренировку, а оттуда к друзьям заниматься. Джейн отнесла белье в прачечную и оплатила счета. Она уже спала, когда Джон вернулся, а проснувшись утром, обнаружила, что его опять нет. Джон оставил записку на кухне, сообщив, что на весь день уехал в библиотеку.

Что ж, по крайней мере, он не будет проводить время с Карой, подумала Джейн. Эта девушка заставляла ее ревновать, что было неудивительно – Кара выглядела сексуально и к тому же имела острый ум. Это была беспроектная комбинация, и мужчины ходили за ней толпами. Кара всю пользовалась своим преимуществом и дружила только с ними. Женщинам она никогда не нравилась.

Джейн позвонила подруге Алекс и договорилась встретиться за обедом в Музее современного искусства. Алекс год назад окончила юридический факультет по специальности «охрана авторских прав» и нашла место в одной из фирм на Уолл-стрит. Она жаловалась, что работы очень много, но ей платили хорошую зарплату и давали вести интересные дела. Впрочем, других в ее практике и быть не могло. Алекс надеялась, что через несколько лет ее повысят в должности.

– Как там наш принц на белом коне? – улыбаясь, спросила она.

Алекс, в отличие от Джейн, была небольшого роста, темноволосая, с зелеными глазами. Она выглядела моложе своих тридцати двух, а в джинсах, свитере и балетках, с косой через плечо вообще походила на подростка. Подруги были очень разными и интересно смотрелись вместе. Они давно дружили и всегда весело проводили время.

– В последнее время ведет себя совсем не как принц, – со вздохом ответила Джейн. Они заканчивали обед в кафе при музее. Девушки пришли на выставку Колдера, которая только что открылась. Джейн очень нравился этот современный скульптор, который вместо глины творил из проволоки. – У Джона сейчас ужасное настроение. Он пишет курсовые и заканчивает диплом. В голове у него одна учеба. Мы уже несколько месяцев никуда не ходили вместе.

– Не знаю, почему парни не могут заниматься сразу несколькими делами. У них или одно, или другое.

Год назад Алекс рассталась со своим бойфрендом и только что начала встречаться с коллегой из фирмы, который уже стал младшим партнером. С тех пор как ей исполнилось тридцать, родители начали твердить, что пора подумать о семье и детях. Отец и мать Джейн пока на эту тему не заговаривали. Мама спрашивала о Джоне и об их планах, но Джейн и думать не хотела о свадьбе. А вот подруга в последнее время начала тревожиться насчет своего будущего и пару раз упоминала, что хочет детей.

– Но страсть-то осталась? – спросила Алекс.

Джейн задумалась:

– Честно говоря, не знаю. Не уверена, что она вообще была. Мы привязаны друг к другу, нам нравятся одни и те же вещи. Все было легко, мы отлично ладили. Думаю, если приставить пистолет к нашим головам, то мы скажем, что любим друг друга, но страстными людьми нас назвать никак нельзя. Наверное, мы оба на первое место ставим карьеру.

Джейн порой думала об их отношениях и всякий раз приходила к выводу, что ее все устраивает. Ну, кроме последних месяцев, когда Джон с головой ушел в учебу и перестал уделять ей время. И конечно, она была против его постоянных встреч с Карой. Женщины вроде нее – яркие, сексуальные – всегда ее пугали. Красота Джейн была естественной, а Джон любил повторять, что ему нравятся «горячие девушки». Кара точно была одной из них. К тому же интимная жизнь у них совсем разладилась, что еще больше отдалило их друг от друга. Джон всегда был не в настроении, уставшим или где-то пропадал по учебе, пока Джейн ждала его дома.

– Может, он просто тебе не подходит, – предположила Алекс. Джон никогда ей не нравился, она считала его эгоистом, но Джейн старалась не замечать те качества Джона, которые так раздражали подругу. – Может, другой парень разбудит в тебе страсть, – осторожно добавила Алекс, не желая обидеть Джейн.

– Не думаю. У меня был страстный роман в колледже. Ужасное время. Я постоянно плакала и сильно похудела.

– Это хорошо. Ну, кроме слез, конечно. Иногда Джон напоминает мне парня, с которым я встречалась перед университетом. Он мне нравился, мы ладили, но что-то все равно было не так. А когда мы начали ссориться, то отношениям настал конец. Думаю, у нас прошел запал, и все испортилось. Если бы мы остались вместе, то возненавидели бы друг друга. Но нам хватило ума разбежаться прежде, чем это произошло. Не все отношения заканчиваются свадьбой. Может быть, это как раз твой случай.

Джейн не хотела признаваться подруге, но она порой думала об этом. Ссор становилось все больше, и они ее очень угнетали. Джейн не хотела ругаться с Джоном и надеялась, что скоро все образуется. Пока же, стоило им остаться вдвоем, как они сразу начинали выяснять отношения.

– Думаю, пока не стоит принимать серьезных решений. Надо закончить университет, – как можно спокойнее проговорила Джейн. – Раньше ведь такого не было. У Джона ужасное настроение, потому что он жутко волнуется перед экзаменами. Это тяжелое время и для меня, я тоже иногда на него ругаюсь. – «Например, насчет Кары», – подумала она, но вслух ничего не сказала.

– Да, наверное, – согласилась Алекс.

После обеда подруги прогулялись в саду при музее, и Джейн рассказала о Маргерите и поиске наследников. Она подробно описала украшения, которые хранились в банковской ячейке, и призналась, что примеряла кольцо с огромным бриллиантом.

– Ого! – воскликнула Алекс. – Сейчас такие романтические истории уже не случаются. Они остались в прошлом веке. Мужчина вдвое старше женится на девушке вроде нас, дарит ей бриллианты и увозит жить в итальянский замок... Похоже на сказку или на старый фильм.

– Ты права, – согласилась Джейн. – Печально только, что эта история плохо закончилась. Маргерита осталась одна, в доме престарелых, и потеряла память. Это ужасно.

– Точно.

Девушки приятно провели время, гуляя по залам музея и разговаривая об искусстве. В четыре часа дня они попрощались и разъехались по домам. Алекс жила в Вест-Виллидж, престижном районе Манхэттена. Она сняла квартиру в этом модном месте сразу, как только устроилась на работу, и ей там очень нравилось. Сегодня вечером Алекс собиралась пойти на свидание с новым парнем.

Джейн позавидовала подруге, когда вернулась в свою пустую квартиру и засела за курсовую. Около девяти позвонил Джон и сказал, что задерживается в библиотеке. Значит, сегодняшний вечер они проведут врозь. Джейн старалась не думать о словах Алекс, что Джон, возможно, ей не подходит. Она не хотела верить в это. Алекс говорила, что часто отношения исчерпывают себя и заканчиваются без всякой причины. Джейн надеялась, что это не их с Джоном случай.

В воскресенье утром она проснулась и увидела лежащего рядом Джона. Это было похоже на чудо, и они впервые за месяц занялись любовью. Конечно, Джейн сразу воспряла духом. Они даже успели перехватить поздний завтрак в кафе неподалеку, а потом Джон ушел в библиотеку на целый день. Но, во всяком случае, они провели вдвоем все утро, и потерянная близость опять к ним вернулась.

Вечером Джейн сходила в одиночестве на французский артхаусный фильм, который давно хотела посмотреть. Он оказался не таким интересным, как она думала. А ночью ей вдруг приснилась Маргерита. Женщина пыталась что-то сказать, но сон был тревожным, и Джейн ничего не поняла. Джон опять не пришел ночевать и прислал эсэмэску, что останется у друзей. Утром она проснулась разбитой, в плохом настроении, хотя рабочая неделя еще не началась. Хорошо, хоть завтра ее ждет интересное дело – оценка наследства Маргериты с экспертом из «Кристис». Сейчас это было единственное светлое пятно в унылой жизни Джейн. Кроме увлекательной истории графини, все остальное казалось ей скучным и серым.

Глава 4

В субботу Филипп Лоутон вышел из своей квартиры в Челси, как всегда, еще на рассвете. Он спешил на встречу с любовью всей жизни. Ее звали «Сладкая Сэлли», и она была небольшой яхтой, которую Филипп купил восемь лет назад и которой безумно гордился. Держал он ее в маленькой гавани, в прибрежном районе Лонг-Айленда и каждый выходной проводил на ней, невзирая на погоду и дела. Филипп чистил «Сэлли», полировал, красил. Яхта выглядела безупречно и приносила ему радости больше, чем любая женщина. Естественно, все женщины, с которыми он встречался, были обязаны разделять его страсть к «Сладкой Сэлли». Некоторые и правда относились к увлечению Лоутона с пониманием, но все рано или поздно уставали от того, как сильно любил яхту Филипп. Она была его вторым домом. Лоутон увлекся плаванием еще в детстве и любил это дело почти так же сильно, как искусство. Филипп был опытным моряком и выходил на «Сэлли» в океан даже в шторм. В плохую погоду он плавал, конечно, один.

В свои тридцать четыре года Лоутон ни разу не был женат, хотя имел многочисленные романы, но ни один из них нельзя было назвать серьезным. Филипп искал в отношениях с женщинами идеал, которым для него служили отношения его отца и матери, и не соглашался на меньшее. Родители безумно любили друг друга, они были как две части одного целого и безупречно подходили друг другу. Кроме глубокой любви, в семье царили доброта, сочувствие, нежность, радость и взаимное уважение. Филипп не до конца понимал, что в современном мире такое редко встретишь, и считал их отношения единственно нормальными. Отец был старше мамы на десять лет и три года назад ушел из жизни. Они познакомились на его лекции по истории искусств в Нью-Йоркском университете. Мама была художником, отец всегда восхищался ее работами.

Первые пятнадцать лет брака они никак не могли зачать ребенка и в итоге сдались и решили, что смогут прожить и без детей. У них была такая сильная, всепоглощающая любовь, что они и вдвоем чувствовали себя счастливыми. А когда Валери исполнилось сорок, она забеременела. Рождение сына стало для них настоящим чудом. Родители обожали Филиппа. Он рос, греясь в теплых лучах их любви, чувствуя взаимную поддержку и восхищение. Став взрослым, Лоутон искал то счастье и взаимопонимание, которые царили у него в семье, но не находил и потому до сих пор оставался один. В итоге он привык к одиночеству. Даже слишком привык.

Такое положение вещей уже несколько лет беспокоило его мать. Валери постоянно твердила сыну, что его представление о семье чересчур романтическое, из-за таких высоких идеалов он рискует остаться один. Но Филипп не боялся этого и отвечал, что лучше уж жить в одиночестве, чем с женщиной, которая его не устраивает. Мать в таких случаях говорила, что он ищет не жену, а какого-то ангела с крыльями и нимбом, а она уж точно таковым не является. Но для Филиппа мама была безупречной, и он упрямо отказывался мириться с недостатками женщин. Ему всегда было сложно подстраиваться под людей, ломать свои привычки. Поэтому Лоутон так много времени проводил на яхте и все выходные занимался только ею. Пока ему хватало «Сладкой Сэлли» – во всяком случае, так он считал. Одиночество не пугало Филиппа. Оно ему нравилось.

В воскресенье вечером, после двух дней, полных солнца, ветра и открытого океана, Филипп вернулся в город, чтобы поужинать с матерью. Такое случалось нечасто, поскольку Валери имела много увлечений. Она всегда признавалась, что ужасно готовит, и постоянно напоминала сыну об этом недостатке – одном из многих, которые Филипп упрямо в ней не замечал. Когда он приходил к ней на ужин, мама ходила в ближайший гастроном и покупала его любимые блюда. Они садились на кухне и разговаривали о ее работе, о выставках в

галерее, о том, как ему не нравится работать в «Кристис», – в общем, обо всем, что им было интересно.

Валери вела себя с Филиппом больше как друг, чем как мать, редко критиковала, давала дельные советы, и в свои семьдесят четыре года казалась Лоутону моложе его сверстников. У нее был живой ум, она отлично разбиралась в искусстве и делилась своими знаниями и творческими идеями с Филиппом. Валери не боялась затрагивать сложные, противоречивые темы – наоборот, она их очень любила и всегда поощряла сына выходить за рамки обычного и исследовать все новое. Она надеялась, что Филипп найдет женщину, которая бросит ему вызов и заставит забыть о страхе ошибочного выбора. Валери видела, что ожидания сына насчет брака завышены, но продолжала верить, что однажды появится та, которая его встряхнет. К тому же Филипп был еще сравнительно молод. Но она также не могла не замечать, что сын привык жить один, и понимала, что ему будет сложно измениться. Одержимый яхтой, в последнее время Филипп перестал встречаться с женщинами, и это пугало Валери.

– Почему бы тебе не заняться, например, лыжами, так у тебя будет больше шансов знакомиться с девушками? – однажды предложила она, но Филипп только рассмеялся в ответ. Валери не хотела лезть в его жизнь, но еще больше не хотела, чтобы сын остался холостяком. Большинство его друзей были женаты и у них росли дети.

– Я не хочу ни с кем знакомиться, – сказал он. – Я встречаюсь с девушками каждый день, но мне никто не нравится. Особенно те, которые приходят ко мне, чтобы продать драгоценности, которые им дарили мужчины. Отношения закончились, и я вижу, что им наплевать на память о прошлых чувствах. Они думают только о том, как бы получить побольше денег на аукционе.

Общался Филипп и с женщинами-коллегами, которые работали в других отделах «Кристис», но все они были слишком серьезными. Однажды он встречался с одной из них и даже познакомил ее с мамой. Девушка была экспертом по готическому и средневековому искусству, но Валери про себя решила, что любовь к ужасам старины сделала ее слишком мрачной. Она ничего не сказала сыну, но Филипп скоро пришел к тому же выводу, и роман закончился.

Филипп любил воскресные ужины с матерью, а уютный беспорядок ее жилища его всегда успокаивал. Валери умела превращать пространство вокруг себя в волшебный мир, не тратя при этом много денег. Она и ее муж не были богатыми, но умели довольствоваться тем, что имели, и приучили к этому Филиппа.

Однако после смерти мужа Валери неожиданно разбогатела – все из-за страховки, которую он оставил ей в наследство и о которой она ничего не знала. И хотя ее банковский счет невероятным образом изменился, жизнь осталась прежней. Валери продолжала заниматься любимыми делами и не тратила деньги направо и налево, решив оставить всю сумму Филиппу. Валери надеялась, что сын захочет открыть свою галерею или фирму по экспертизе предметов искусства. Она говорила ему об этом несколько раз, но Филипп заявил, что ей нужно потратить деньги на себя – например, отправиться путешествовать, посмотреть мир. Однако Валери была все время занята и не хотела уезжать далеко от дома.

– Мне и тут слишком хорошо, чтобы куда-то рваться, – говорила она сыну, и в ее огромных голубых глазах поблескивали лукавые искорки.

Валери и в пожилом возрасте была стройной, красивой женщиной, полной озорства и шарма. Легко понять, почему муж так сильно любил ее. Густые, длинные волосы, которые раньше были пепельного цвета, а теперь стали совсем седыми, она носила распущенными – как и в молодости.

У Валери была старшая сестра – полная противоположность во всем. Но несмотря на это, женщины были очень близки. Если Валери никогда не желала себе роскошной жизни, то Эдвина – по-домашнему Винни – мечтала только об этом и с самой юности думала о деньгах, постоянно переживая: вдруг их не хватит. В этом она походила на родителей. Возможно, при-

чиной такого страха было то, что Винни появилась на свет в 1938-м, через девять лет после того, как их семья потеряла все накопления из-за биржевого краха. Тогда как Валери родилась через год после Перл-Харбора, на заре новой, более благополучной эпохи. Винни слышала разговоры родителей о Великой депрессии и помнила их постоянные тревоги о деньгах. Выйдя замуж за мужчину из богатой семьи, всю жизнь она прожила в полном достатке. А когда муж умер, получила приличное состояние. Но Винни все равно переживала насчет денег. Валери никогда о них особо не думала и считала, что ей достаточно того, что есть.

Их отец – внешне холодный, даже высокомерный, но в душе добрый человек – работал в банке и постоянно на всем экономил. Потеря состояния сильно по нему ударила, и Валери помнила, что он все время проводил на работе. Воспоминания о матери были еще хуже. Она казалась ей злой женщиной, которая никогда ее не хвалила, как бы Валери ни старалась. В семье была еще одна дочь, самая старшая, которая умерла в Европе от эпидемии гриппа, когда ей исполнилось девятнадцать. Валери не помнила сестру, потому что она скончалась через год после ее рождения. У Винни же сохранились смутные воспоминания. Мать никогда не говорила об умершей дочери, это была запретная тема, и ее бесчувственность девочки оправдывали тем, что она так и не пришла в себя после смерти первенца.

Винни родилась, когда старшей сестре было четырнадцать, и ее появление стало сюрпризом для родителей. Мать кое-как смирилась с поздним ребенком, но когда через четыре года у нее родилась Валери, она не смогла этого перенести. Ей уже исполнилось сорок пять, и дочь в столь позднем возрасте казалась ей позором, а не радостью. Валери все время чувствовала себя ненужной в собственной семье, пока не вышла замуж за Лоуренса и не сбегала от родных, с которыми не имела ничего общего.

Винни была похожа на родителей – вела себя серьезно, высокомерно, не умела шутить, вечно всех критиковала и нервничала по пустякам. Она была важной женщиной и всегда все делала правильно, но без тепла и доброты. Винни не признавала спонтанности и чем старше становилась, тем сильнее напоминала мать. Но Валери все равно любила сестру и старалась поменьше с ней ссориться. Они созванивались почти каждый день, но все разговоры сводились к жалобам Винни – в основном на дочь Пенни, которая больше походила на Валери, чем на родную мать.

Пенни работала адвокатом, у нее было трое детей – сын тринадцати лет, пятнадцатилетняя дочь, которая сводила ее с ума своим поведением, и старший сын восемнадцати лет, в этом году заканчивающий школу. Всех внуков Винни считала грубыми и невоспитанными. Зятя она тоже не признавала.

Винни любила порядок и размеренность, а Валери была открыта миру и вела, по мнению сестры и матери, богемную жизнь. Но Винни относилась к ней гораздо лучше, чем мама, которая не одобряла младшую дочь и не скрывала этого. Валери так и не удалось разбить стену, которой та отгородилась от нее. Впрочем, у Валери были любящий муж и сын, и она давным-давно перестала переживать из-за холодности матери. Когда та умерла, Валери не особо переживала, а вот Винни долго тосковала и говорила о ней так, будто она была святой. Когда Валери сама родила позднего ребенка, то совсем перестала понимать, почему мать считала ее появление на свет позором, а не радостной неожиданностью.

Родительская семья всегда была для нее загадкой. Валери порой шутила, что ее, наверное, перепутали в роддоме с другим ребенком. Валери была мягким, любящим человеком, а ее родители – холодными как лед. Она жалела их и радовалась, что сын пошел характером в нее. Как и племянница Пенни. Она была старше Филиппа на десять лет, но это не мешало их дружбе. Пенни чаще обращалась за советом к Валери, чем к собственной матери, потому что Винни ничем не помогала, а только критиковала. Ей даже не нравилось, что дочка получила диплом юриста в Гарварде, поскольку делать серьезную карьеру, по ее мнению, для женщины было неприлично. Также Винни считала ее плохой матерью, но Валери так не думала.

Просто Пенни воспитывала детей не так, как это было принято раньше, что, конечно, не нравилось матери, придерживающейся старомодных взглядов.

В ожидании сына на воскресный ужин Валери работала над женским портретом. Филипп долго стоял и смотрел на него – таким волшебным притяжением тот обладал. У матери был настоящий талант, ее выставки получали хорошие отзывы, а картины отлично продавались. Часть из них постоянно висела в одной уважаемой галерее недалеко от дома. Сколько Филипп помнил, их семья всегда жила в Сохо, задолго до того, как этот район стал модным. Валери нравилось, каким он стал – оживленным, молодежным. Сохо напоминал ей левый берег Парижа.

– Мне очень нравится этот портрет, – с восхищением сказал Филипп. Новая работа немного отличалась от прежних. Валери постоянно изучала новые техники и росла как художник.

– Не знаю, чем это все закончится. Женщина с портрета снится мне уже несколько ночей подряд. Она просто меня преследует. Сводит с ума, – улыбнулась Валери.

Она выглядела счастливой и спокойной. В квартире пахло красками, и этот знакомый запах был частью творческой атмосферы, которая там царила, – яркие ткани, антиквариат из Индии и Европы, который собирал отец, предметы доколумбовой Америки, картины и скульптуры друзей Валери. Мама притягивала к себе творческих людей и часто приглашала их в гости, а папа обожал с ними общаться. Эти встречи он называл «современным салоном» и вспоминал, как в Париже двадцатых-тридцатых годов талантливые люди – Пикассо, Матисс, Кокто, писатели Хемингуэй и Сартр – тоже собирались и обменивались идеями.

– Уверен, у тебя все получится, – сказал Филипп, имея в виду портрет. Валери очень вдумчиво относилась к своим работам и всегда преодолевала любые трудности.

Они непринужденно болтали, а Валери тем временем накрывала на стол. Она обожала баловать сына, пусть даже и простым ужином на кухне. Это было одним из главных удовольствий в ее жизни. Филиппа всегда трогала такая забота.

Он снова начал жаловаться на работу в «Кристис», и Валери, как всегда, ответила, что все в его руках: он может изменить жизнь, а не просто сидеть и ждать, когда судьба переменится. Потом Филипп рассказал ей об уникальной коллекции украшений, которую поедет смотреть на следующей неделе.

– Кому принадлежали эти драгоценности? – с интересом спросила Валери.

– Одной знатной даме, которая умерла в одиночестве, почти без денег, но эта коллекция стоит целое состояние. Наследников у нее нет.

– Очень печально, – проговорила Валери, сочувствуя женщине, которую совсем не знала.

Разговор перешел на другие темы. Под конец ужина Валери поинтересовалась, встречается ли сын с кем-нибудь.

– Ты же знаешь, я год как один, – покачав головой, ответил Филипп, – с тех пор, как расстался с последней подругой. Помнишь, как она ненавидела мою «Сэлли»? Думаю, ревновала меня к ней.

Мама улыбнулась:

– Я бы тоже ревновала. Ты проводишь с яхтой больше времени, чем с теми женщинами, с которыми у тебя были отношения. Знаешь, люди – странные существа, они ожидают, что ты будешь общаться с ними, а не с яхтой.

– Ясно, – со смехом ответил Филипп. – Я стану так делать, когда найду свою единственную. – Валери скептически посмотрела на него, и он на минуту смешался. – И что плохого, если я выходные провожу в гавани Лонг-Айленда?

– Да много чего, и дело не только в холодной погоде. Тебе надо еще куда-то ходить, а то так и останешься в одиночестве. Кстати, мы с тетей Винни думаем следующим летом

поехать в Европу, – добавила она, передавая Филиппу тарелку с помидорами, моцареллой и свежим базиликом. – Но с моей сестрой не так-то просто путешествовать.

– Ты возьмешь ее с собой? – удивился Филипп.

– Пока не знаю. Винни обо всем тревожится и вечно жалуется. И расписывает все до последней минуты. Мне нравится путешествовать свободно и на месте решать, что делать дальше. А Винни это сводит с ума, она начинает переживать еще больше. Нам нужно делать все так, как она запланировала. В общем, похоже на армию. А я слишком стара для такого, – с улыбкой сказала Валери.

– Или слишком молода, – поправил ее Филипп. – Мне бы такое тоже не понравилось. Не понимаю, как ты ее выдержишь. – Он всегда держался от своей кислой тети на расстоянии.

– Я люблю Винни. Это помогает мне мириться с ее недостатками. Но даже для меня поехать с ней в Европу – слишком тяжелое испытание. – Валери путешествовала с сестрой и раньше и всякий раз клялась, что больше этого не повторится. Но снова и снова нарушала данное себе слово, в основном из жалости к сестре, которой больше не с кем было ехать. Это для Валери найти компанию не составляло труда. У нее было много друзей, в основном из среды художников, самых разных возрастов – старше и младше ее, и даже сверстники сына. Валери не обращала внимания на цифры, главное – чтобы человек был интересный, умный и веселый.

Вскоре после ужина Филипп засобирался домой. Он чувствовал, что мама хочет еще немного поработать над портретом, хотя Валери ничего не говорила. Но мать и сын отлично понимали друг друга и без слов.

Валери тепло обняла его на прощание:

– Удачи тебе с драгоценностями той дамы. Мне кажется, они произведут фурор на аукционе. Особенно если ты напечатаешь ее историю в каталоге.

В этом мама была права. Если бы нашлись фотографии графини с этими украшениями, они бы привлекли больше внимания, чем объявление о том, что предметы продает суд по делам наследства. Впрочем, о последнем ему надо упомянуть обязательно.

– «Собственность графини», – сказал Филипп, цитируя типичное описание из каталога, и она улыбнулась.

– Мне нравится, как звучит. Удачи, – еще раз произнесла Валери и поцеловала сына.

– Спасибо за ужин, мама. Я тебе позвоню.

– Да, в любое время. – Она снова обняла его, и Филипп ушел.

Как он и предполагал, стоило двери закрыться, Валери сразу вернулась к работе. Она хотела лучше понять, откуда к ней пришел этот образ. «Эта женщина вполне может быть той графиней, о которой рассказывал Филипп», – подумала Валери, и эта мысль заставила ее улыбнуться. Ее полотна были окружены ореолом таинственности, и порой она сама долго не могла разгадать, что же они скрывают.

Глава 5

Во вторник утром Джейн приехала в банк раньше Филиппа. Шел проливной дождь, ее зонт выгнулся от ветра сразу, как она вышла из метро, и Джейн промокла до нитки.

Впрочем, Филипп выглядел не лучше. Он забыл зонт в такси, а еще опоздал на десять минут. Пробки в этот день были ужасные.

Джейн разговаривала с Хэлом Бейкером, и когда Филипп появился в холле банка и стал оглядываться по сторонам, сразу его заметила. Высокий, в темном костюме и дорогом плаще, он походил скорее на банкира, чем на эксперта из «Кристис». Джейн забыла, что после встречи с ней Лоутон должен был ехать на аукцион. Посмотрев на свои тяжелые ботинки, пуховик, который впитал в себя воду, как губка, черные джинсы и толстый свитер, Джейн почувствовала себя неловко.

– Мисс Уиллоуби? – неуверенно произнес Филипп, подойдя к ней.

Она кивнула и с улыбкой протянула ему руку, а потом познакомила с Хэлом Бейкером.

– Извините, что вытащила вас в такую ужасную погоду, – сказала Джейн. – Но думаю, что оно того стоит. Украшения правда очень красивые.

Они направились за Хэлом вниз, в отдел банковских ячеек. Свидетель был больше не нужен, всю официальную работу уже закончили, опись составили и подтвердили. Теперь осталось решить, что делать с драгоценностями дальше. На прошлой неделе они перестали давать объявления, и Джейн расстроилась, что никто из наследников так и не дал о себе знать.

Как и в прошлый раз, Хэл вынул из ячейки металлический ящик, и они последовали в маленькую комнату. Поставив ящик на стол, Бейкер вышел, оставив Джейн и Лоутона. Джейн стала вынимать футляры с драгоценностями, а Филипп – их открывать. В первом лежала брошь от «Ван Клиф» с бриллиантами и сапфирами, и когда он увидел ее, то не сдержался и изумленно ахнул. Следующим шло кольцо с рубином. Филипп вынул из кармана ювелирную лупу и поднес ее к глазу.

– Это рубин из Бирмы, называется «Голубиная кровь», – сказал он. – Камень наилучшего качества и цвета. – Лоутон серьезно посмотрел на Джейн. – Размером он где-то двадцать пять – тридцать карат. Найти такой красивый и большой рубин – большая редкость. Стоит целое состояние.

После этого Филипп осмотрел кольцо с изумрудом, который, на его взгляд, был такого же размера, как и рубин, или даже чуть больше. Осторожно положив кольцо в футляр, он открыл следующий, в котором лежало кольцо с бриллиантом. Камень был еще больше предыдущих, и Филипп улыбнулся.

– Вот это да! – воскликнул он, как ребенок, а Джейн рассмеялась.

– Я сказала то же самое, когда увидела его, – призналась она.

Филипп представил это и улыбнулся еще шире.

– Понравился? – спросил он.

Им обоим вдруг стало весело. Драгоценности оказались потрясающими, и, если суд по наследству решит выставить их на аукцион, торги будут фантастическими.

– Конечно. Никогда не думала, что бриллианты могут быть такими большими, – улыбаясь ему в ответ, ответила Джейн. – Сколько в нем карат?

– Около сорока, но это только догадка.

Догадка, но почти верная. За два года работы в ювелирном отделе Филипп хорошо научился оценивать размер и качество драгоценных камней; к тому же для собственного

развития он прошел основной курс по геммологии⁶. Но такие драгоценности Филипп видел впервые.

Ожерелье и серьги с сапфирами от «Ван Клиф», нитка натурального жемчуга, старинный чокер от «Картье», украшения от «Булгари» – он изучал драгоценности почти час, а когда закончил, потрясенно уставился на Джейн.

– Пока я не увидел фотографии, думал, что в ячейке хранятся безделушки. Когда я их получил, то понял – там находятся очень дорогие украшения. Но такого я никак не ожидал. Наследники так и не объявились?

– Нет, – с печалью ответила Джейн. – Хотите посмотреть фотографии графини? Она была красивой в молодости. – Мисс Уиллоуби достала из папки снимки, и они стали вместе рассматривать их. Джейн опять поразились, какой счастливой миссис ди Сан Пиньели выглядела рядом с мужем и с каким обожанием смотрел на нее граф.

– По возрасту он годится ей в отцы, – заметил Филипп.

– Граф был старше ее на тридцать восемь лет, – сказала Джейн. – Я высчитала это по ее паспорту и его извещению о смерти.

– Напомните, как их звали?

– Граф Умберто Вичензо Алессандро ди Сан Пиньели и Маргерита Уоллес Пирсон. После свадьбы она взяла фамилию мужа. Ей было восемнадцать, а ему – пятьдесят шесть.

Когда Филипп услышал фамилию Маргериты, то в удивлении перевел взгляд на Джейн.

– Пирсон, конечно, распространенная фамилия, но такая же была у моей матери до замужества. Может, они дальние родственники, а может, это просто совпадение. Вроде в нашей семье не было никакой Маргериты. Надо рассказать матери. Я не думаю, что она наследница, – смущенно поправился Филипп, – просто удивительно, что фамилии совпали. Мама никогда не говорила, что у нее была родственница, которая вышла замуж за итальянского графа. Может, она была дальней родственницей деда, а скорей всего, вообще не имеет к нам никакого отношения.

Фамилия его заинтересовала, но не так сильно, как драгоценности. Филипп представлял, какая шумиха поднимется вокруг них, сколько людей придет на аукцион. За все два года работы в «Кристис» он впервые видел такое великолепие, хотя у них продавались очень неплохие вещи.

– С кем мне поговорить насчет аукциона? – спросил Филипп.

– С моей начальницей, Харриет Файн. Я работаю в суде временно. В июне заканчиваю юридический факультет.

– А в каком университете – Нью-Йоркском? – с интересом спросил он.

– Нет, в Колумбийском. Перед экзаменами я должна пройти стажировку в суде. Если не считать нынешнего дела, работать в суде по наследству не очень-то интересно, – призналась мисс Уиллоуби.

В этот момент вернулся Хэл Бейкер. Он убрал ящик в банковскую ячейку, и Джейн с Филиппом вышли следом за ним. Она продолжила:

– Все места, где я хотела бы стажироваться – семейный суд, уголовный, – были заняты, поэтому мне пришлось идти сюда.

Джейн мрачно улыбнулась, и Филипп сочувственно кивнул.

– Ювелирный отдел в «Кристис» – тоже унылое место, – сказал он. – Меня перевели туда два года назад из отдела искусств, и я как будто попал в тюрьму. Хотя аукцион, на котором будут выставлены эти драгоценности, станет необычным событием. Ваша начальница звонила другим аукционным домам? – спросил он, и Джейн покачала головой.

⁶ Геммология – наука о драгоценных и поделочных камнях.

– Нет, она сразу выбрала вас и сказала, чтобы я позвонила в ваш отдел. Я рада, что вам понравились украшения миссис ди Сан Пиньели. Мне они тоже кажутся очень красивыми.

– Они не только красивы. Редко когда увидишь драгоценности такого качества. Граф и графиня, наверное, вели роскошную жизнь.

– Судя по фотографиям – да, – подтвердила Джейн.

– Интересно, что случилось потом, – не скрывая любопытства, сказал Филипп. Такая история могла кого угодно взволновать.

– Я бы тоже хотела знать. Они выглядят счастливой парой, хотя у Маргериты порой такие печальные глаза.

– Правда? – удивился Филипп. – Я не заметил. Меня отвлекли драгоценности. – Он улыбнулся и подумал, что Джейн все-таки интересная девушка. Обычно из суда по наследству приезжали скучные серые тетки. Мисс Уиллоуби сильно отличалась от них, и в лучшую сторону.

– Что теперь? – спросила Джейн, когда они оказались в холле банка, а Хэл, попрощавшись, ушел к себе в офис.

– Мой начальник должен поговорить с вашим, – объяснил Филипп. – Мы оформляем договор на продажу, обсуждаем наше вознаграждение и вместе продумываем статью для каталога. Если вашей начальнице понравятся условия, то мы перевезем драгоценности и включим их в наш Большой ювелирный аукцион. Ближайший состоится в мае. Думаю, для миссис ди Сан Пиньели надо отвести целый раздел в каталоге, поставить ее фото и написать романтический текст, который привлечет внимание. После продажи мы берем процент с окончательной цены, а остальное вы передаете государству. Все довольно просто, если только не объявится наследник. Но, судя по вашим словам, вряд ли такое случится.

Джейн рассказала Лоутону о том, как пыталась найти родственников графини, как ездила в дом престарелых и в ее последнюю квартиру, пока Филипп фотографировал драгоценности. Хотя имя графини ди Сан Пиньели в Америке было неизвестно, в нем звучала особая магия, а ее украшения говорили сами за себя. Филипп мог не стараться – такие вещи уходили влет и без подробных описаний.

– Значит, это случится, когда я уже не буду работать в суде, – задумчиво проговорила Джейн. – А мне бы очень хотелось узнать, как пройдет аукцион. Наверное, надо с кем-то договориться насчет этого. – Филипп видел, что история графини ее очень тронула.

– Я пришлю вам приглашение на торги. Когда продают такие драгоценности, ажиотаж стоит невероятный.

– Кто их будет вести – вы? – с любопытством спросила Джейн.

– Вряд ли. Это очень серьезный аукцион. Кроме коллекции миссис ди Сан Пиньели, мы выставим и другие вещи, но ее украшения точно станут главным его событием. Известные ювелиры и коллекционеры со всего мира будут делать ставки по телефону, а некоторые прилетят к нам, чтобы лично присутствовать в зале. Думаю, для вас это будет интересный опыт.

Джейн задумалась, а потом ответила:

– Боюсь, аукцион меня расстроит. Миссис ди Сан Пиньели умерла в одиночестве, и ей даже некому было завещать украшения. Мне будет больно смотреть, как они достанутся чужим людям.

Филипп молча кивнул, не зная, что сказать. Слова Джейн тронули его. Она переживала за женщину, которую никогда не видела.

Когда они вышли из банка, Филипп поднял руку, чтобы остановить такси.

– Вас подвезти? – спросил он Джейн.

– Нет, спасибо. Я вернусь в офис на метро. И сегодня же скажу начальнице, что «Кристис» хотят продать драгоценности на аукционе. Уверена, она вам скоро позвонит.

– Если нет, то я сам ей позвоню. Не хочется, чтобы такие вещи от нас ушли, – добавил Филипп, открывая дверь такси.

– Спасибо, что приехали, – поблагодарила Джейн.

Лоутон улыбнулся, сел в машину и помахал ей на прощание. Его поразило все, что он увидел этим утром, – и драгоценности, и девушка.

Глава 6

Приехав на работу, Филипп начал готовиться к аукциону, до которого оставалось всего полчаса. Торги «Ювелирные украшения» были скромными и не шли ни в какое сравнение с Большим ювелирным аукционом, на котором предполагалось выставить великолепные украшения миссис ди Сан Пиньели. Филипп решил рассказать о них руководителю ювелирного отдела сразу после торгов. Сейчас у него было мало времени, а он хотел представить драгоценности так, как они того заслуживали, и показать фотографии.

Аукцион прошел легко, но закончился позже, чем думал Филипп, потому в кабинет начальника он зашел только в половине пятого. Эд Барлоу изучал результаты сегодняшних торгов, и, похоже, они ему нравились. Он поднял взгляд на Филиппа.

– Хороший был аукцион, – заявил Барлоу и жестом предложил ему сесть. – Какие-то проблемы?

– Представитель суда по наследству попросил меня оценить украшения, которые хранились в не востребованной банковской ячейке. Я сделал это сегодня, и там оказалась целая коллекция очень ценных вещей, все – от самых известных ювелирных домов. – Он передал Барлоу фотографии, которые только что напечатал.

Эд стал внимательно изучать их, а Филипп наблюдал за выражением его лица.

– Эти вещи правда такие великолепные, как выглядят на снимках? – изумленно посмотрел на подчиненного Барлоу.

– Еще лучше. Фотографии не показывают всей их красоты, – спокойно сказал Филипп. Сегодняшний день был самым лучшим за все два года работы в отделе. Казалось, будто он нашел месторождение золота или нефти. Хотя драгоценности ему и не принадлежали, все равно было очень волнительно участвовать в этой истории. Возможно, Лоутону позволят участвовать в предстоящем аукционе.

– Известно, кому они принадлежали? – спросил начальник.

– У нас есть имя владелицы и ее фотографии. Юной девушкой она вышла замуж за итальянского графа и прожила с ним с сорок второго года по шестьдесят пятый. Но умерла без денег и наследников. Все, что у нее осталось, – это драгоценности, которые банк обнаружил, когда вскрыли ячейку.

– А формальности все соблюдены? – с тревогой спросил Эд. – В банке подождали положенное по закону время?

– Да, все сделали точно. За ячейку не платили три года, через тринадцать месяцев банк ее вскрыл и послал письмо владельцу – тоже в требуемый по закону срок. Потом банк ждал еще два года, уведомил суд по наследству, а тамошние работники уже стали искать наследников. На объявления в газетах никто не явился. Я видел документы.

– Хорошо. – Эд удовлетворенно сложил руки на огромном антикварном письменном столе, который компания приобрела на аукционе много лет назад. – Мы не должны ошибиться, имея дело с такими бриллиантами. Позвони в суд как можно скорее и обсуди наше вознаграждение. Мы выставим драгоценности на аукцион в мае. Еще есть время, чтобы сделать фотографии для каталога.

– Я займусь этим завтра, как только приду на работу, – заверил его Филипп и вышел из кабинета с папкой документов по делу Пиньели. Сейчас звонить было поздно – суд, как все государственные учреждения, работал до пяти.

Лоутон хотел набрать номер Джейн, но делиться с ней новостями до того, как он обговорит все условия с ее начальницей, было неправильно. Филипп надеялся, что они еще встретятся.

На следующий день он, как и обещал Эду, позвонил Харриет и имел с ней долгую, откровенную беседу. Филипп сказал, что «Кристис» заинтересованы в продаже драгоценностей, что их стандартная плата – десять процентов с окончательной цены, а также заявил, что фотографии для каталога суд должен делать за свой счет. Эти условия ничуть не удивили мисс Файн – они были стандартными для всех аукционов, а она часто передавала на продажу вещи из невостребованных ячеек. Еще Филипп спросил, не против ли она, если в каталоге поместят фотографии графини, чтобы привлечь внимание покупателей. Харриет ответила, что ей все равно, и пообещала позвонить ему в конце недели.

Филипп предупредил, что времени у них не очень много, если они хотят включить украшения в каталог майского аукциона. Харриет пообещала, что сделает все возможное. Честно говоря, он волновался, как бы начальница Джейн не решила позвонить в «Сотбис», чтобы узнать их условия. Но мисс Уиллоуби вроде говорила, что Харриет сама предложила «Кристис». В любом случае сейчас Лоутону оставалось только ждать и надеяться, что суд передаст содержимое ячейки им. Коллекция ди Сан Пиньели станет главным украшением любого аукциона.

В пятницу мисс Файн ему не позвонила, но Филипп не хотел давить и решил подождать ответа суда до понедельника. Хотя Эд торопил его и в пятницу после обеда уже спрашивал о том, как идут дела.

Как всегда, выходные Филипп провел на яхте, а в воскресенье вечером заехал к маме. Он не остался ужинать, потому что Валери собиралась в кафе с друзьями. С макияжем, в джинсах и черном свитере крупной вязки она прекрасно выглядела.

У них было немного времени, чтобы поболтать.

– Как прошла твоя неделя? – с искренним интересом спросила Валери, разливая чай.

Филипп рассказал ей о драгоценностях и о том, что они очень хотят продать их на аукционе. Еще он добавил, что пока не получил ответа из суда, но обязательно позвонит им завтра.

– Значит, вещи действительно стоящие, раз «Кристис» в них так вцепились, – заметила Валери, допивая чай.

Тут он вспомнил о совпадении фамилий:

– Кстати, девичья фамилия женщины, которой принадлежала ячейка, – Пирсон. Как у тебя до замужества. Хотя я сомневаюсь, что мы имеем к ней какое-то отношение.

Валери согласно кивнула:

– Это распространенная фамилия. У нас нет родственников, которые имели бы такие драгоценности. Как бы нам этого ни хотелось. – Мама улыбнулась ему, но оба знали, что деньги не играли в ее жизни особой роли, а тут вообще речь шла о наследстве чужого человека. Его мама была щедрой женщиной и довольствовалась тем, что имела.

– Думаю, цены на этих торгах взлетят до небес. Украшения безумно красивые, с большими камнями отличного качества. Аукцион будет жарким – если, конечно, суд решит передать их нам.

– Уверена, что так и будет, – желая подбодрить его, произнесла Валери и встала. – Мне пора идти.

– Да кто их знает... Может, другие аукционы предложат им лучшие условия.

– Надеюсь, такого не случится.

Филипп секунду подумал, не рассказать ли маме о знакомстве с Джейн, но решил, что это будет глупо. Может быть, он никогда больше ее не увидит. Потому что обнял маму, поцеловал ее на прощание и пообещал скоро позвонить.

– Хорошего тебе вечера, – сказал он.

Валери закрыла за ним дверь, и Филипп вызвал лифт.

На следующее утро он опять позвонил Харриет Файн. Женщина извинилась, что не вышла на контакт в пятницу. Она ждала ответа от своего начальства и получила разрешение всего час назад.

– Мы готовы, – спокойно сообщила Харриет. – Они приняли ваши условия.

– Отлично! – с восторгом воскликнул Филипп. – Тогда я заберу драгоценности на этой неделе, чтобы сфотографировать для каталога. Но мне нужно, чтобы вы уведомили об этом банк.

– Сейчас же этим займусь, – заверила его Харриет. – Вы сами приедете?

– Да. Я возьму охранника и машину. А где мы будем хранить их до аукциона? Я могу оставить всю коллекцию у нас в сейфе или вернуть вам.

Конечно, лишняя головная боль была Харриет ни к чему. Она впервые столкнулась с такими дорогими вещами, а «Кристис» имели репутацию надежного аукционного дома, которому можно доверить хранение драгоценностей.

– Лучше пусть они лежат у вас. Я пошлю к вам кого-нибудь из суда, чтобы наш человек присутствовал при перевозке. Когда вы собираетесь забрать их?

Филипп заглянул в свой календарь. Завтрашнее утро у него было свободным.

– Завтра утром – это не слишком скоро? – неуверенно спросил он. – Я могу подъехать к открытию банка, в девять. – И если ему повезет, он договорится с фотографом на десять, чтобы в тот же день и начать съемку.

– Нет, не слишком. Передайте все документы и фотографии моему сотруднику, а драгоценности забирайте себе.

– Я хочу включить в каталог несколько фотографий из ячейки, – напомнил ей Филипп.

– Ладно, – ответила Харриет. Никто из родственников не стал бы возражать – их просто не было, а снимки владелицы точно помогут продаже. Это был чисто деловой вопрос, и касался он интересов государства. А Харриет всегда ревностно их защищала. – Значит, мой сотрудник тоже приедет в банк к девяти, – подтвердила она и через минуту уже вошла в кабинет к Джейн.

Харриет сказала мисс Уиллоуби, что ей надо быть в банке завтра утром, чтобы забрать документы из ячейки и подтвердить передачу ценностей представителю «Кристис». Джейн сразу подумала о Филиппе, но не стала спрашивать начальницу, он ли будет забирать украшения или кто-то другой. Ей понравилось разговаривать с Лоутоном, рассматривать фотографии Маргериты. Хорошо, если завтра это будет Филипп, ну а если нет – то она не расстроится.

Харриет упомянула, что люди из «Кристис» очень заинтересованы в торгах и уже начали к ним готовиться. Джейн рассказала об этом Джону, когда вечером они встретились в ближайшей закусочной, чтобы съесть по гамбургеру, после чего Джону надо было возвращаться в библиотеку. Джейн казалось, что они уже целую вечность не общались друг с другом по-настоящему. Она надеялась, что после ужина и обмена новостями к ним вернется привычное чувство близости, но ничего такого не случилось. Это было очень неприятно, и ей оставалось только верить, что после экзаменов все станет как прежде. Июнь казался Джейн светом в конце тоннеля, а пока она старалась поддерживать Джона и терпеть его вечные отлучки. Из близкого человека он превратился в соседа, который делил с ней квартиру.

Да, через три с половиной месяца это должно закончиться. Джейн с нетерпением ждала, когда их отношения станут прежними. Джон вел себя как чужой человек, ему было все равно, что у нее происходило в жизни. Новость о том, что драгоценности, о которых она ему рассказывала, продадут на аукционе «Кристис», Джон пропустил мимо ушей. Эта история не входила в круг его интересов. Джейн оставалось только мечтать, чтобы все стало как прежде.

Рано утром, когда Джон еще крепко спал, Джейн уехала в банк. Подходя к зданию, она сразу увидела Филиппа – тот как раз выходил из машины. Он был одет в отлично сшитый плащ синего цвета, под которым она заметила голубую рубашку и дорогой темный галстук. Похоже, Лоутон обрадовался, увидев ее. До открытия банка было еще пять минут, и они мило поболтали. Джейн с улыбкой поздравила Лоутона с тем, что драгоценности продадут на аукционе «Кристис». На ней в то утро была короткая серая юбка и приталенное двубортное пальто, аккуратно причесанные волосы она откинула назад. Джейн выглядела свежо и ярко в лучах утреннего солнца, и Филипп заметил, как его лучи сверкают в ее маленьких золотых сережках.

Когда двери банка открылись, Филипп знаком показал охраннику из «Кристис» следовать за ними. У того были две небольшие кожаные сумки, в которые следовало сложить драгоценности.

Джейн подписала все документы, в которых от лица суда брала ответственность за вещи, которые забирает из ячейки. В свою очередь Филипп заполнил бумаги, по которым ему передали двадцать два ювелирных украшения для продажи на аукционе. Это заняло несколько минут, после чего Джейн один за другим вручила футляры с драгоценностями Филиппу. Лоутон расписался в описи, а Джейн меж тем сложила все документы в большой конверт с печатью суда, который привезла с собой. Затем они вместе просмотрели фотографии. Филипп отобрал с полдюжины, которые, как ему показалось, лучше всего подходили для каталога. На одной граф с графиней позировали на фоне поместья, на другой – были на приеме. Вечерний наряд Маргериты дополняли серьги и ожерелье с сапфирами. Также среди отобранных были трогательный портрет совсем юной Маргериты в диадеме, две фотографии с мужем – верхом на лошадях и в горах на лыжах. На всех снимках они выглядели роскошной парой, от которой веяло блеском и элегантностью давно ушедшей эпохи.

Джейн задержала взгляд на фотографии маленькой девочки.

– Интересно, кто она, – задумчиво проговорила мисс Уиллоуби.

– Может, младшая сестра, – предположил Филипп.

– Или ее умерший ребенок. Хорошее объяснение, почему графиня порой выглядит так печально. – Джейн было обидно, что они никогда не узнают правду. Владелица драгоценностей унесла с собой слишком много тайн. Почему она уехала из Штатов во время войны и как оказалась в Италии? Ведь согласно отметкам в паспорте, сначала Маргерита приплыла в Лиссабон, а оттуда отправилась в Англию. Как повстречалась с графом, как они полюбили друг друга, чем Маргерита занималась после смерти мужа и до той поры, когда вернулась в Штаты? Судя по документам, после 1974 года Маргерита жила в Риме, но что же случилось с поместьем? Джейн очень хотела, чтобы кто-нибудь ответил на эти вопросы и все объяснил. Но графиня ди Сан Пиньели ничего не оставила после себя, кроме фотографий, писем и, конечно, украшений.

– Видимо, некоторые тайны навсегда остаются неразгаданными, – задумчиво проговорил Филипп.

Джейн положила фотографии маленькой девочки в конверт с документами, аккуратно запечатала его, чтобы ничего не потерять, и написала на нем полное имя Маргериты. Конверт нужно было отдать Харриет, потому что все бумаги следовало хранить еще семь лет – на случай, если родственники все-таки объявятся. Джейн не знала, что произойдет с ними после этого срока, сдадут ли их в архив или уничтожат. От этих мыслей ей опять стало печально.

Когда все формальности были соблюдены и драгоценности переложены в кожаные сумки, они покинули комнату. Пустой металлический ящик остался стоять на столе. Хэл вышел с ними попрощаться. Их всех сблизило это удивительное приключение, которое им подарила графиня ди Сан Пиньели.

Филипп снова предложил ее подвезти, а Джейн снова отказалась. Лоутон пообещал, что, когда фотографии подготовят для каталога, он позвонит и передаст их в суд.

Через минуту Филипп уехал, а Джейн направилась к метро с пухлым конвертом в руке. Торопливо спускаясь по ступеням, она думала о том, как последние свидетельства жизни Маргериты уйдут с торгов или окажутся в архиве. Это была печальная картина, и мисс Уиллоуби снова загрустила.

Глава 7

В четверг Филиппу позвонила мама и спросила, не хочет ли он вечером пойти с ней в Метрополитен-музей. Валери пригласили на благотворительный ужин, который ежегодно проводит одно из подразделений музея, Институт костюма. Валери должна была пойти туда вместе с сестрой, но та отказалась в последний момент – подхватила простуду. Винни постоянно переживала за свое здоровье, жаловалась то на одну болезнь, то на другую и ложилась в постель от малейшего недомогания.

– Прости, что спрашиваю так поздно, но я не хочу идти туда одна, – объяснила Валери.

Филипп немного подумал и согласился. Ему было приятно, что он может выручить маму. Она была очень независимой, вела активную жизнь и редко его о чем-то просила. К тому же Лоутон знал, что отлично проведет время. Несколько лет назад, после смерти отца, он уже был на таком мероприятии. Оно оказалось потрясающим, а билеты на него стоили немало. Валери потратила часть денег из страховки мужа, и Филипп очень этому радовался. Матери так понравился ужин, что она стала ходить туда каждый год и брала с собой сестру. Валери дарила ей билет, поскольку тетя Винни категорически отказывалась тратить на какое-то шоу столько денег, хотя средств у нее было гораздо больше, чем у Валери.

Филипп заехал за мамой в семь. На ней было простое черное платье, которое подчеркивало ее не по годам стройную фигуру, и жакет из чернобурки – его Валери носила уже много лет, но он до сих пор выглядел роскошно. Увидев маму в таком наряде, Филипп вдруг вспомнил фотографии графини. Валери совсем не была на нее похожа, но от обеих исходила аура элегантности прошлых времен. Валери взяла сына под руку, и он повел ее вниз. Филипп был горд, что появится на вечере с такой дамой.

На улице их ждал лимузин с шофером, которого Лоутон нанял на вечер.

– Дорогой, ты меня балуешь! – воскликнула мама. Она обрадовалась, как ребенок. – Я думала, мы поймаем такси.

– Конечно нет, – ответил он, усаживаясь рядом с ней на заднее сиденье. На нем был фрак, сшитый по заказу в Лондоне, когда Филипп был там на аукционе.

– Выглядишь прекрасно, – отметила Валери.

Как и раньше, благотворительный ужин поражал блеском. В зале собрались все сливки Нью-Йорка, включая губернатора и мэра, разодетые в пух и прах. Валери и Филипп сидели за одним столиком с куратором Института костюма, модным дизайнером и известным актером. Разговор не утихал ни на минуту. Соседкой Лоутона оказалась молодая женщина, которая продюсировала успешную пьесу на Бродвее, и они весь вечер обсуждали театр и другое искусство. Собеседница была симпатичной, и Филипп заинтересовался бы ею, но она была замужем и пришла на вечер с супругом – писателем, который только что выпустил первую книгу. Филипп в который раз подумал о том, какая же активная у него мама и с какими интересными людьми она общается. Валери была скромной женщиной, но обладала естественной красотой, которая оказалась неподвластна времени, и Лоутон заметил, что на вечере многие мужчины бросали на нее восхищенные взгляды.

Они ушли одними из последних и по дороге домой оживленно делились впечатлениями.

– Я отлично провел время, – сказал Филипп, и это было правдой. – У меня оказалась прекрасная соседка, да и мужчина, что сидел рядом с тобой, мне тоже понравился.

– На этих вечерах всегда очень весело, – отозвалась Валери. Голос у нее звенел от веселья и энергии. – У меня не было времени спросить, как у тебя дела. – Она тепло ему улынулась. – Что там с украшениями той женщины, которая вышла замуж за итальянского графа?

– Во вторник суд по наследству передал их нам. Мы всю неделю фотографировали драгоценности. Не знаю, в чем тут дело, но история ее жизни никак не выходит у меня из головы. Наверное, потому что мы слишком мало о ней знаем. Богатая почва для всяких предположений. Ты уверена, что мы с ней никак не связаны? Странно, что у тебя такая же девичья фамилия, как у нее.

– А еще у десяти миллионов людей с английскими корнями. Уверена, в телефонной книге Нью-Йорка Пирсоны занимают несколько страниц, а в Бостоне их живет еще больше. Скажи, если я заявлю, что она моя родственница, то получу что-нибудь из ее украшений? – шутливо спросила Валери.

– Все они будут твоими, – в тон матери ответил Филипп.

– Как ее звали? – без тени волнения осведомилась Валери. Мысль о том, что она как-то связана с этой женщиной, даже не приходила ей в голову. Действительно, фамилия Пирсон была очень распространенной, и Валери не слышала, чтобы какая-нибудь ее родственница уехала в Италию и вышла там замуж за графа. О таком сразу бы стало известно. Никто из семьи не жил в Европе. Вот уже несколько поколений все были коренными жителями Нью-Йорка.

– Маргерита, – ответил Филипп.

– Надо же, какое совпадение! – весело отозвалась Валери. В ее голосе послышалось удивление, но в общем эта новость не особо поразила мать. – В нашей семье было много Маргерит. Так звали мою старшую сестру и моих бабушку и прабабушку. В начале двадцатого века это было популярное имя.

Валери рассмеялась, глядя на сына. Филипп, в отличие от нее, сильно удивился. Его прабабушку все звали Мэгги, и только сейчас он узнал ее полное имя.

– Покажешь мне каталог, когда он будет готов? – попросила мама. – Мне бы очень хотелось посмотреть на эту женщину. – Вид у нее стал задумчивым.

– Хорошо. Она была очень красивой, и граф – тоже. Мне бы хотелось узнать о них больше, но как? Наверное, надо заняться украшениями. В «Картье» ведутся записи по каждой продаже. Я попрошу их проверить архивы – может, там найдется что-то интересное. Мне все равно лететь в Париж в следующем месяце, так что я могу сделать это лично.

– Интересная идея, – сказала Валери.

В эту минуту машина остановилась перед домом. Валери поцеловала сына, поблагодарила за компанию и вышла.

Филипп поехал к себе. По дороге он снова думал о Маргерите и о письме, которое хотел послать в главный офис «Картье». Потом Лоутон вспомнил о Джейн. Завтра он собирался вернуть ей фотографии и подумал, будет ли уместно пригласить мисс Уиллоуби на обед. Ему хотелось снова увидеть ее. Филипп не упоминал о ней маме, потому что рассказывать было особо нечего. Он знал, что Джейн временно работает в суде по наследству и заканчивает юридический факультет в университете. Она показалась ему умной девушкой, с ней было приятно общаться, и Филипп хотел узнать ее поближе.

На следующий день, разложив фотографии Маргериты перед собой на столе, Филипп набрал номер Джейн. Он ничего не терял, а если мисс Уиллоуби согласится с ним пообедать, то многое выигрывал.

Джейн ответила после первого же гудка.

– Джейн Уиллоуби, – представилась она ровным голосом.

На мгновение Филипп растерялся, не зная, что сказать, но потом взял себя в руки и объяснил, что фотографии ему больше не нужны и он готов их вернуть.

– Я могу послать фото курьером. Или, если вы не против, – добавил он, стараясь говорить как можно спокойнее, – мы могли бы встретиться где-нибудь за обедом. – Филипп вдруг почувствовал себя полным дураком и уже решил, что она сейчас откажется. – Звучит глупо,

да? – спросил Лоутон. У него было странное ощущение, будто он превратился в подростка четырнадцати лет. Филипп уже давно никого не приглашал на свидания, и ему было неловко. С чего ей соглашаться?

– Звучит заманчиво. – В голосе Джейн слышалось удивление. – Да, я могла бы встретиться и забрать фотографии. – Она тоже чувствовала себя неловко, но была уверена, что в его предложении нет ничего личного, что это будет всего лишь деловая встреча. Их объединяет интерес к Маргерите, и со стороны Филиппа это только жест вежливости.

– Тогда я отдам их за обедом, – сказал он. Филипп не мог поверить, что Джейн не отказала ему, не повесила трубку, не рассмеялась, к чему он был готов. Он хотел встретиться прямо сегодня, но в час дня ему следовало появиться на собрании отдела, чтобы обсудить ближайшие торги. – Как насчет понедельника? Вам удобно?

– Да, – с радостью согласилась Джейн и напомнила себе, что это приглашение ничего не значит. Просто деловой обед, и все.

– У нас неподалеку есть очень хороший небольшой ресторан. Значит, встречаемся в двенадцать, да?

– Отлично, – живо откликнулась она и тут же добавила: – Желаю хороших выходных.

– Спасибо. И вам тоже.

Глядя в окно, Филипп какое-то время думал о Джейн: чем она будет заниматься до понедельника, есть ли у нее парень или она свободна?

На следующий день Джейн все еще ощущала неловкость, вспоминая о разговоре с Филиппом и их договоренности насчет обеда. Она собиралась пойти с Алекс в кино и рассказать ей о своих проблемах. Джон на все выходные уехал с университетской группой в Хэмптонс⁷, где студенты снимали дом. Конечно, Джейн это не нравилось, но она не стала жаловаться, зная, что станет только хуже.

Перед сеансом подруги встретились в ресторане «Бальтазар».

– Думаю, вчера я сделала одну большую глупость, – сказала Джейн, когда они расправились с бургерами – очень вкусными и очень калорийными.

– Какую? Переспала с боссом? – Алекс явно заинтересовалась.

– Мой начальник – женщина, и она дьявол в юбке. Мне кажется, она меня ненавидит. Нет, дело не в Харриет. По работе я познакомилась с одним мужчиной. Он – эксперт в отделе ювелирных украшений аукционного дома «Кристис». Мы передали им кое-какие украшения для продажи. Я виделась с ним только два раза, и вчера он пригласил меня пообедать вместе.

⁷ Хэмптонс – пригородный район Нью-Йорка с пляжами, где горожане проводят выходные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.